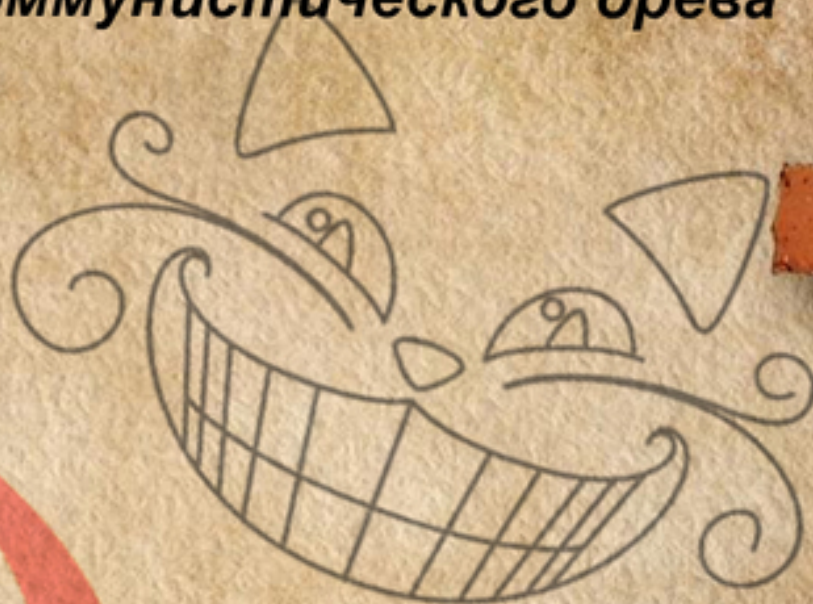

Владислав Картавцев

Династия

Под сенью коммунистического древа

Книга третья
Лицо партии

Владислав Картавцев

**Династия. Под сенью
коммунистического древа.
Книга третья. Лицо партии**

«Accent Graphics communications»

Картавец В.

Династия. Под сенью коммунистического древа. Книга третья. Лицо партии / В. Картавец — «Accent Graphics communications»,

Здравствуйте, уважаемый читатель! Если Вы держите в руках этот роман, то, вероятно, уже прочитали первые две книги трилогии. Ведь ход истории неумолим, и выдергивать только последнюю ее часть и на этом делать выводы представляется немного странным. С другой стороны – а почему нет? Иногда так даже интереснее, и вдруг третья книга сподвигнет кого-нибудь прочить первые две? Но, впрочем, я не настаиваю. Эта книга, так же как и предыдущие (и здесь я вынужден повторяться), представляет собой некий китч или, как хотите, разновидность литературной фантастики, которой можно дать следующее определение: «Общественно-политико-юмористическая фантазмагория с элементами эротики». Правда, так слишком сложно и может кое-кого напугать. На самом же деле – книга, несомненно, очень веселая, легкая и интересная, и читается, ну словно песня льется. Основная идея и стиль романа не претерпели хоть сколько-нибудь заметных изменений при переходе от первых двух книг к третьей. Поэтому – опять и снова: Понятно, что ничего из изложенного здесь никогда не происходило (ну, или почти никогда), и все возможные совпадения полностью случайны, и все персонажи выдуманы, и не стоит их искать в толстых биографических справочниках или (упаси, боже!) в сети Интернет. И если у кого-то вдруг возникнет желание подать на автора в суд (мало ли, могут ведь найтись люди, которые всерьез начнут дискутировать с автором по вопросу мировоззрения его выдуманных героев), то пусть сразу пишут заявление на меня, как на автора-фантаста, что сделает мне честь. И в завершении. Я желаю Вам приятного чтения, и если Вам понравится мое творчество, то приглашаю Вас приобрести еще мои книги, а их, поверьте на слово, изрядное количество.

© Картавцев В.

© Accent Graphics communications

Содержание

От автора	6
Часть первая	7
Глава 1. На идеологическом фронте без перемен	7
Глава 2. Внутри	22
Глава 3. Душевное	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Картавцев Владислав
Династия
Под сенью коммунистического древа
Книга третья. Лицо партии

От автора

Здравствуйте, уважаемый читатель! Если Вы держите в руках этот роман, то, вероятно, уже прочитали первые две книги трилогии. Ведь ход истории неумолим, и выдергивать только последнюю ее часть и на этом делать выводы представляется немного странным.

С другой стороны – а почему нет? Иногда так даже интереснее, и вдруг третья книга сподвигнет кого-нибудь прочить первые две? Но, впрочем, я не настаиваю.

Эта книга, так же как и предыдущие (и здесь я вынужден повторяться), представляет собой некий китч или, как хотите, разновидность литературной фантастики, которой можно дать следующее определение: «Общественно-политико-юмористическая фантазмагория с элементами эротики». Правда, так слишком сложно и может кое-кого напугать. На самом же деле – книга, несомненно, очень веселая, легкая и интересная, и читается, ну словно песня льется.

Основная идея и стиль романа не претерпели хоть сколько-нибудь заметных изменений при переходе от первых двух книг к третьей. Поэтому – опять и снова:

Понятно, что ничего из изложенного здесь никогда не происходило (ну, или почти никогда), и все возможные совпадения полностью случайны, и все персонажи выдуманы, и не стоит их искать в толстых биографических справочниках или (упаси, боже!) в сети Интернет. И если у кого-то вдруг возникнет желание подать на автора в суд (мало ли, могут ведь найтись люди, которые всерьез начнут дискутировать с автором по вопросу мировоззрения его выдуманных героев), то пусть сразу пишут заявление на меня, как на автора-фантаста, что сделает мне честь.

И в завершении. Я желаю Вам приятного чтения, и если Вам понравится мое творчество, то приглашаю Вас приобрести еще мои книги, а их, поверьте на слово, изрядное количество.

Часть первая

Глава 1. На идеологическом фронте без перемен

Иван Иванович Капитонов рассеянно пялился в экран монитора. Иногда он моргал, иногда крутил головой, иногда грозно сопел, а иногда от напряжения даже издавал неподобающие звуки горлом, которые свидетельствовали только об одном: он читает печатный материал, который доводит его до состояния бешенства. Но оторваться он не в силах, поскольку интересно.

Иван Иванович сидел в своем рабочем кабинете в здании Государственной Думы Российской Федерации на Охотном Ряду. Со времени нашего последнего повествования здесь мало что изменилось – только стало больше хитрых электронных приспособлений, позволяющих находиться в прямом контакте со всеми ветвями власти, а также с простым людом в регионах. Приспособления плотно оккупировали стол Ивана Ивановича, громоздились под ногами и висели на стенах, уменьшая и без того небольшой полезный объем кабинета.

Ивану Ивановичу приходилось мириться с нарастающим захлаплением рабочего пространства – хотя он терпел через силу. Микросхемы и транзисторы давно вызывали у него отвращение, он привык следовать за ярким насыщенным живым словом, а клавиши использовал только по нужде, предпочитая полновесный экспромт и аналитические записки советников, которые как раз собаку съели во всех этих компьютерах и принтерах с Интернетом.

Но прогресс не стоит на месте, и даже самый закоренелый ум вынужден считаться с всеобщей информатизацией и уметь пользоваться электронными устройствами – хотя бы на уровне «чайника». А Иван Иванович считал себя грамотным и современным руководителем, поэтому в свое время нашел в себе силы и выучился-таки включать компьютер, набирать пароль и входить в Интернет.

Обо всем остальном позаботились технические работники и администраторы сети: они установили на Рабочий Стол все необходимые ярлыки, сделали нужные закладки и поставили автоматическое обновление программ и антивирусов – так, чтобы видный политический деятель не забивал голову ненужной информацией, а всегда мог одним щелчком мыши найти все, что пожелает. Это было удобно, и, кроме того, экономило время, а согласитесь, для занятого человека – это серьезный бонус.

Иван Иванович Капитонов прочно занимал второе место в иерархии современного коммунистического движения в России, уступая пальму первенства только главному по партии Бессменному Ленинцу и Большевику – Вождю почти что всех Народов (БЛиБ-ВпчвН) товарищу Зарганову. Но тут уж ничего поделать нельзя (БЛиБ-ВпчвН бессмертен) – поэтому и второе место равносильно золотой олимпийской медали.

А если вспомнить, с чего в свое время начинал Иван Иванович – так и вообще, результат превосходил все самые фантастические мечты и пожелания, и если бы кто-нибудь двадцать с небольшим хвостиком лет назад сказал ему, чем всё это закончится, он бы просто с натугой и саркастически рассмеялся «пророку» в лицо. А потом плюнул для верности.

Но вот – время пролетело незаметно, все, что должно быть сделано, было сделано, кое-что оказалось не по зубам, а другое – напротив, выстрелило, как гигантская мортира, отправив хозяина в чудесный обеспеченный полет, в общем: что имеем – то и слава богу! А все остальное обязательно приложится.

Итак, Иван Иванович яростно пялился в монитор, не в силах оторваться от похабной статейки, которая вышла в одном очень раскрученном и медийном ежедневнике, и которую теперь обсуждала вся политически подкованная общественность. И особенно – новорусские

большевики, поскольку статейка (ну как статейка – целый фолиант на несколько развернутых листов) люто была по их самолюбию и выдержанной идеологической платформе.

Слухи о статье разбегались, словно круги по воде от ухнувшего в океан обломка скалы, и вскоре дошли до Ивана Ивановича, поднявшись и взбаламутив спокойствие от низов до самого верха. А поскольку после стольких лет в партии Иван Иванович совмещал в себе не только должность «Главного решалы», почетного завхоза, но еще и главного идеолога (да, да – наконец-то он сжил со света своего вечного конкурента, на протяжении стольких лет вставлявшего ему палки в колеса), то и ответственность за искоренение идеологического сумбура из голов большевистской поросли лежала именно на нем.

Это было делом непростым. За двадцать с лишним лет работы Иван Иванович повидал все. Его лично и его партию как только не полоскали! Выливали ушаты помоев, выносили сор из избы и стирали грязное белье прямо на глазах заинтересованной публики! Казалось, можно уже ко всему привыкнуть, ан нет! С каждым ударом ниже пояса по коммунистическому движению враги левой идеи становились все хитрее и изощреннее, они придумывали все новые и новые способы испоганить большевистские идеалы и привлекали для этого всякий сброд – начиная от крайних националистов и заканчивая этими, как их, короче – сексуальными меньшинствами.

Иван Иванович отбивался, как тореадор: он то уходил в глухую оборону, то яростно атаковал, используя многочисленные подотчетные ему печатные издания (благо, его старый друг Поликарп Феокистович Полишинелин все еще заведовал писательским активом и имел в своем распоряжении все средства отстоять доброе имя и честь Ивана Ивановича и его соратников), то пребывал в нарочитом забвении, накапливая силы для решительного перехода в контрнаступление по всему идеологическому фронту.

Да, были неудачи, были чувствительные уколы, которые жалили, как рой диких африканских пчел, но было и множество побед, и ими Иван Иванович по праву мог гордиться. Например – одна из них, но несомненно эпическая: операция по возрождению русской монархии, вследствие чего натиск со стороны монархистов удалось отбить, а вскоре и вообще свести к нулю. А сами монархисты сделались верными союзниками большевиков, за что Ивану Ивановичу можно было еще при жизни отлить памятник из бронзы.

В жестоких идеологических битвах Иван Иванович заматерел, приобрел способность сражаться до конца и всегда (ну, или почти всегда) побеждать – даже если опросы общественного мнения показывали, что он безнадежно проигрывает. Ведь главное не в опросах, а в личном чувстве, в ощущениях, которые никогда не врут без нужды: а они утверждали, что Иван Иванович – прав, и никто не сможет доказать обратное.

Однако, как уже сказано, враги не дремали и выискивали все новые и новые способы опорочить Идею. И привлекали для своих гнусных целей талантливых исполнителей – жадную до денег прослойку беспринципных литераторов, которые не жалели сил и выдавали на гора фолиант за фолиантом, где смешивали с навозом не только пресловутого генералиссимуса товарища Сталина-Джугашвили, но и абсолютно сакральные фигуры: Маркса, Энгельса и даже самого Ленина, что было уже совсем кошунством.

Особенно возмущала Ивана Ивановича парочка журналюг, которые были без сомнения талантливы, писали интересно и с огоньком, но от которых шло только разрушение и один идеологически вред. Поначалу журналюги подвязались писать в «Московский некоммуналец», но потом, решив, что мелко плавают, рванули на более высокий федеральный уровень – в «Комсомольскую неправду», где их встретили с распростертыми объятиями, поскольку талантливых людей хоть и много, но их еще поискать!

Персонажей звали Червонщербетный Артур-Чок и Фырьев Пикс-Одинокый. Иван Иванович, увидев первый раз, кто ему противостоит, смеялся до слез, обоснованно предполагая,

что с такими идиотскими псевдонимами эти люди канут в безвестность и в лучшем случае будут давать в газету рекламу публичных ломов.

Как же он ошибся! И ошибся целых два раза – во-первых, это были не псевдонимы, а настоящие ФИО, а во-вторых, журналюги оказались горазды писать, за словом в карман не лезли и обладали столь едким языком и столь острым пером (пardon, столь упругими клавишами на клавиатуре), что вскоре стали пользоваться повышенной популярностью в среде бомонда и даже интеллигенции.

Ах, если бы Ивану Ивановичу вовремя обнаружить просчет, если бы заранее переманить их на свою сторону, то, глядишь, и не пришлось бы выстраивать целую систему противодействий их литературному поносу, который разлетался брызгами во все стороны и пачкал всех в зоне поражения. И удалось бы устранить угрозу в зародыше – к всеобщему счастью! Но нет, настолько далеко его видение момента не простиралось, тем более – зачем обращать внимание на каких-то политически ангажированных мелких червей, если вреда от них нет никакого?

Но черви выросли и превратились в настоящих змей, сплетенных клубком с худшими представителями так называемой либеральной интеллигенции, которые только и умеют, что гадить на идеи марксизма-ленинизма! А самое главное – нет от них никакого спасения, и нет на них никакой управы, и куда податься бедному коммунисту, никто не в силах посоветовать!

Но мы отвлеклись.

Иван Иванович грузно завозился, щелкнул мышкой и перескочил на другую страницу. Ничего не скажешь: качественная работа! Пасквиль читался бодро, с огоньком, и оторваться от него было сложно.

Иван Иванович был уверен, что статья в таком популярном издании появилась неспроста – и именно перед выборами.

– Опять эти сволочи пытаются отбить у меня электорат! – он резко вскинулся с кресла, налил в чайник воды из графина и поставил его кипятиться. В последнее время он предпочитал не пользоваться услугами секретарши: все делать самому – комфортнее и быстрее, и к тому же товарищи по партии перестали обвинять его в мелкобуржуазных замашках.

Приходилось поддерживать образ истового коммуниста – выходца из народа и радетеля о благе трудящихся. Поэтому все сам: и кипяточек, и сахарок будь добр, и вафли с печеньем разложи на блюде и сам поставь на стол! Впрочем, мелкие отвлеченные заботы позволяли сделать перерыв, расслабить напряженные мозги и переключиться на состояние «здесь и сейчас».

Полгода назад Иван Иванович очень увлекся мистикой, но старался никому не распространяться, поскольку обоснованно полагал, что за такое по голове не погладят. Вера в загробный мир или в бога не входила в программу коммунистической партии – партактив состоял исключительно из реалистов, хотя и изрядно сдобренных социальными идеями. А Иван Иванович – почти первый среди почти равных и по совместительству главный идеолог – должен соответствовать на все сто и внушать соратникам несокрушимую уверенность в окончательную победу мировой революции.

Иван Иванович не заметил, как крепко задумался и ушел в какие-то философские дали, откуда и выбраться-то просто так нелегко. Не говоря уж о том, чтобы развернуть разум на дела текущие. Он подождал, пока закипит чайник и аккуратно залил пакетик кипятком. Еще через пару минут кинул в кружку сахар.

Время текло неумолимо. Иван Иванович постарел и обзавелся несвойственными ему раньше привычками. Например, сейчас он предпочитал никуда не торопиться, всей кожей ощущая, как мелькают дни, и как запас его жизни истощается. Поэтому старался делать все осознанно, пытаясь хоть в перерывах между работой насладиться мимолетными мгновениями покоя и тишины.

Чаепитие в одиночестве было одной из таких недавно приобретенных привычек. Главное – не сидеть в кресле. Пить нужно стоя или расхаживая по кабинету. Одновременное выполне-

ние нескольких несвязанных между собой задач отвлекает мозг от привычного бега по кругу, и тогда многое начинаешь видеть как будто со стороны или же под другим углом зрения.

Иван Иванович отхлебнул из кружки и сощурился от удовольствия. Горячий черный чай подобен воздействию никотина – будоражит кровь и заставляет мыслить глубинно, помогает ухватить суть и докопаться до истины, если таковая имеется в наличии.

Ивана Ивановича тянуло пофилософствовать, и он непременно решил посвятить немного времени этому увлекательному занятию – но только после того, как дочитает до конца мерзкую статейку и решит, чем ответить. Раздумывать и подставлять очередную щеку под удар не стоило, но противодействие должно быть тщательно выверенным – так, чтобы и смешно, и больно одновременно, и враги почесываются и пребывают в состоянии прострации.

Иван Иванович сделал несколько шагов в сторону двери и остановился. Послушал, что творится в приемной – там кипела работа, личная помощница безостановочно отвечала на звонки, ассистенты били по клавиатурам, кто-то истошно орал в трубку, предлагая напрячься и немедленно залатать брешь в партийном строительстве, а кто-то учинял разнос невидимому собеседнику за проваленные партийные планы.

Был разгар трудового дня, и Иван Иванович мог спокойно сконцентрироваться на главном: никто не станет отвлекать его по пустякам, а секретарь (новая молодая девушка по имени Алина) бросится грудью на защиту личного пространства босса и не пустит к нему никого без предварительной договоренности. Но разве что только БЛИБ-ВпчвН, но тот сейчас отсутствует в столице – уехал на Майорку греться на местном солнышке. Так что Иван Иванович нынче за главного, и именно он руководит всем процессом.

Сегодняшнее заседание парламента должно было начаться только после обеда – депутатам некогда, все готовятся к выборам. Заседание предпоследнее – чисто формальное, на нем будут одобрены документы о прекращении работы Государственной Думы пятого созыва, а завтра – финальное мероприятие: пение гимнов, распитие спиртных напитков и гадание на кофейной гуще – кто пройдет в следующий круг, а кто останется за бортом вождественной властной пирамиды.

В себе Иван Иванович нисколько не сомневался: ему-то место работы менять не придется. Но даже если и вдруг – он может спокойно уйти на пенсию и наслаждаться всеми материальными благами, которые можно купить за деньги. Ведь денег у него много – и даже очень.

С момента нашей последней встречи благосостояние семьи Капитоновых только увеличилось: Иван Иванович был уже не только самым богатым коммунистом, но и входил в топ-20 Российского «Forbes» (т. е. являлся настоящим олигархом). Само собой, опосредованно и очень неявно – но факт оставался фактом, денег у него было столько, что можно с легкостью построить из сторублевых купюр мост от порта «Кавказ» до порта «Крым», и еще останется ровно столько же.

Управлять активами и пассивами было нелегко, но Иван Иванович не сильно утруждал себя финансовой и коммерческой деятельностью – по закону ему было не положено. Вернее так: вроде и нельзя, но скрытно можно. Не будем забывать, что на дворе стоял всего лишь 2011 год, и таких строгостей, как сейчас, не было. Тем более, пока еще правил новый президент, а он слыл поборником либеральной идеи, и при нем вольностей прибавилось.

Иван Иванович владел десятком инвестиционных и финансовых фондов, которые занимались предпринимательством и управляли его имуществом. Во главе фондов стояли проверенные управляющие, которые хоть и воровали – но в пределах допустимого, так что пользовались заслуженным уважением честных и соблюдающих законы бизнесменов.

Время от времени Иван Иванович проводил в своем хозяйстве ротацию кадров, поскольку ветер перемен должен веять постоянно, не допуская застоя и сращивания бизнеса с чиновничеством и криминалом. Впрочем, перемены касались далеко не всех – например, наш старый знакомый Рабочев все так же был при боссе порученцем по особым делам.

Ну, как порученцем! Благосостояние Рабочева выросло уже до таких размеров, что его следовало называть компаньоном всемогущего коммунистического босса – однако он не выпячивался, предпочитал оставаться в тени и радоваться жизни, предлагая другим занимать ведущие позиции и расшибаться в кровь в яростных политических и коммерческих баталиях.

Словом, жизнь шла своим чередом, старая команда Ивана Ивановича все так же была при нем, и никто из ее членов ни разу не пожалел о том, что в свое время связал свою судьбу с боссом, поскольку – ну разве можно желать лучшего?

Иван Иванович допил чай и сел обратно в кресло. Потер немного покрасневшие глаза и снова уставился в монитор. Решено: он еще почитает статью, чтобы не быть голословным в суждениях, а потом отправится на заседание. А уже вечером сделает пару звончков, кому надо.

Статья называлась: «Трио хлопцев – Маркс, Энгельс, Ленин. Соратники, которые есть зло».

Не верь коммуняке, дары приносящему! Это знает каждый – точно так же как и то, что лучше жить хорошо, чем плохо. И это аксиома, а она (как известно из курса математики начальной школы) не требует доказательств. И даже основоположники марксизма-ленинизма (Карл Маркс, годы жизни 1818–1883, Фридрих Энгельс, годы жизни 1820–1895 и Владимир Ульянов, годы жизни 1870–1924) при всей своей революционной пропаганде никогда не отказывались пожить всласть.

Начнем с основоположника. Карл Маркс родился в семье отнюдь не черного крестьянина, вынужденного круглыми сутками батрачить на хозяина, чтобы прокормить семью из двенадцати ртов, а в семье преуспевающего еврейского адвоката, и с рождения не испытывал материальных стеснений. Маленький Карл отличался живым умом и высоким интеллектом, в семнадцать лет окончил гимназию и поступил в университет в Бонне (Пруссия), но потом перевелся в Берлинский университет (тоже Пруссия), который и закончил в возрасте двадцати шести лет, заодно защитив и докторскую диссертацию. Стоит отдельно заметить, что во время всего обучения он вовсе не голодал и не скитался, и даже не пел «Марсельезу» и «Интернационал», а пил себе прекрасное прусское солодовое пиво и закусывал жареными колбасками, и, вообще, имел стол очень разнообразный.

После окончания учебы он опять вернулся в Бонн, где рассчитывал заполучить должность профессора в местном университете, но не смог, а посему пошел работать в газету борзописцем. Его революционные взгляды к тому времени уже полностью сформировались, и он страстно желал свержения кайзера и установления на территории Пруссии республики по типу «настоящей демократии» (это когда богатые правят бедными без всякого тебе права крови и прочей старорежимной ерунды).

Впрочем, это не помешало Марксу через пару годков жениться на рафинированной прусской аристократке Женни фон Вестафален. Через женитьбу судьба дала ему шанс войти в высшее общество, чему супруга была бы очень рада и даже выхлопотала для него приличную государственную должность, но тут Маркса ждало полное разочарование.

Свет не захотел видеть в нем своего, так как справедливо подозревал сына адвоката в продажности, изворотливости, беспринципности и прочих таких милых сердцу настоящего платного юриста грехах. И Маркс ожесточился, очерствел – да и иммигрировал в Париж, наплевав на родину и соотечественников, закостеневших в понятиях «Честь», «Совесть» и «Аристократизм» – и, как результат, лишился прежних источников наживы и удовлетворения насущных потребностей.

Но жить-то как-то надо, поэтому Маркс (поскольку был человеком умным и напористым) решил возглавить местное революционное движение – чтобы совсем не остаться в стороне от

финансовых потоков, которые направляли озлобленные буржуа на окончательную ликвидацию опостылевшей уже всем династии Бурбонов.

Кстати, там в Париже он познакомился с Фридрихом Энгельсом и очень подружился, и они не расставались до самой смерти. Следуя логики развития событий, нетрудно догадаться, что вскоре Маркса выслали из Парижа, и он перебрался в Брюссель, откуда его через несколько лет тоже выслали за бурную революционную пропаганду (ох уж эта человеколюбивая эпоха – вот то ли дело власть большевиков: сразу на нары или к ногтю, да и вся недолга!).

Как вы думаете, куда Маркс направил свой путь после высылки? Снова в Париж! И вправду – ведь не в Сибирь же ему было ехать сражаться за справедливость!

В Париже неутомимый Маркс опять взялся за свое – раскачивать действующие устои власти, за что и был снова выслан, и перебрался в Кельн (Пруссия), откуда его тоже выслали, и он опять вернулся в Париж. И если читатель вдруг попросит прояснить для него понятие «революционный туризм», мы можем смело сослаться на Маркса и на его путешествия по маршруту «Бонн-Париж-Брюссель-Париж-Кельн-Париж».

В конце концов властям объединенной Европы надоело, что сей прыткий отпрыск еврейского адвоката болтается туда-сюда под ногами, и Маркс окончательно перебрался в Лондон, куда рано или поздно переезжают все космополиты – без родины, без сердца. И вот там ему стало по-настоящему тяжело – а потому что англичан очень трудно развести на деньги на пустой мякине и под вопли о великой революции (англичане живо брали вот таких говорунчиков, волокли в участок да и вздергивали на пеньковой веревке, не мудрствуя лукаво) – и жить Марксу пришлось исключительно на подачки Энгельса и перебиваясь случайными статьями в местные желтые газетенки.

Но тут по счастью для Маркса разгорелась Крымская война 1853–1856 годов между Российской империей («заповедником махрового мракобесия» – как называл ее сын еврейского адвоката Карл Маркс) и коалицией в составе Британской империи, Французской империи, Османской империи и Сардинского королевства, которые, само собой (несмотря на свое абсолютно деспотичное правление – с монархиями – все, как положено), были светочами демократии и столпами свободы в глазах все того же Маркса.

И здесь, как говорится, Маркса понесло. Он рубил вкусный и обильный гешефт на поприще литературного слова, объявив тотальную пропагандистскую войну всему русскому (вместе со своим другом Энгельсом), плодя несуразные и пропитанные зловонными ядовитыми миазмами статейки в невероятных количествах. В них русские представлялись то скопищем диких обезьян с ружьями, то какими-то невиданными и премерзкими двуглавыми животными, то в виде тупого стада с окровавленными мордами – а то и еще хуже. Но аристократичной английской публике нравилось, как нанятые за малую лепту беспринципные бумагомаратели-космополиты валяют в грязи другие народы – поэтому Маркс наконец-то выполз из финансовой дыры и начал жить, как привык – с шоколадом и кофе по утрам, обедами и ужинами и вкусной горячей булочкой на сон грядущий.

Пока шла война, Маркс ни в чем себе не отказывал. Тогда же он начал задумываться о написании «Капитала», в котором основной мыслью должна была стать следующая: дескать, не всё капиталистам пить кровь трудящихся, а нужно (чтобы спокойнее жить) делиться с такими же, как и он (Маркс), революционерами – обездоленными по факту рождения, но зато энергичными, беспринципными и абсолютно бесчестными. Ведь революционеры тоже хотят и претендуют, а посему имеют право отнять то, что до этого принадлежало другим.

Следует заметить, что англичане – не будь дураки – пристально следили за деятельностью вышеозначенного Маркса, но (в отличие от других простецких европейских народов и правительств) не торопились его высылать, а использовали острый ум и кипучую энергию Маркса для организации подрывной деятельности на территории других государств.

Марксу было позволено создать нечто вроде кружка интернационалистов, в который вошли русские анархисты, итальянские республиканцы, французские социалисты и даже несколько англичан, которые называли себя «тредюнионистами» и являлись предшественниками нынешних профсоюзных боссов. Организация, созданная Марксом, вскоре была переименована в «Первый интернационал» – она существовала под полным контролем британской разведывательной службы и под патронатом министерства иностранных дел Великобритании и занималась подрывной политической деятельностью на территории континентальной Европы и в России. А в США ее не пускали – и правильно делали.

Поскольку в дело вступила сама Британская Империя, то Карл Маркс – как идейный вдохновитель и создатель «Интернационала», а так же талантливый администратор – теперь абсолютно не нуждался в средствах и имел возможность использовать неограниченные финансовые ресурсы метрополии для вербовки в свою организацию новых платных агентов, для пропаганды социалистических и революционных идей через печатные листки и серьезные еженедельные издания и для создания в обществе подопытных государств нездоровой атмосферы сомнения и неуверенности в дне грядущем.

И все бы ничего, если бы британские власти через некоторое время не решили, что деятельность Маркса может привести к нездоровым последствиям и в самой империи. Поддерживаемые настоятельной просьбой представителей Франции, на территории которой «Интернационал» уже успел разыграть кровавое действо под названием «Парижская комунна», они прикрыли лавочку Маркса – в результате чего она перебралась за океан (под крылышко уже американской разведки), где и была окончательно ликвидирована в 1876 году.

Самому же Марксу строго-настрого было сказано, что если он и дальше будет вести активную политическую деятельность на территории Британии, то его дни окончатся в скорби и печали. И Маркс, как человек совсем неглупый, все понял и дальше жил тихо, безмятежно, писал экономические труды и даже напоследок сделался видным апологетом существующего британского монархического строя. Вкусно кушал и сладко спал – а потому что понял, своя рубаха ближе к телу.

Мы берем на себя смелость привести здесь небольшую цитату, которая доподлинно раскрывает подрывную сущность всех усилий Маркса в отношении стран, на которых указывала ему Британия. Но принимая во внимание, что цитата может оказаться чересчур сложной для понимания, даем совет ее вообще не читать.

«Мы знаем, что надо считаться с учреждениями, нравами и традициями различных стран; и мы не отрицаем, что существуют такие страны, как Америка, Англия, и если бы я лучше знал ваши учреждения, то может быть прибавил бы к ним и Голландию, в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами. Но даже если это так, то мы должны также признать, что в большинстве стран континента рычагом нашей революции должна послужить сила; именно к силе придется на время прибегнуть, для того чтобы окончательно установить господство труда».

С чем мы его – Маркса – и поздравляем и переходим к другому не менее колоритному персонажу. Следующий знатный идеолог марксизма-ленинизма Фридрих Энгельс – друг и соратник Карла Маркса. И соавтор его трудов, как утверждают некоторые ученые.

Энгельс родился в 1820 году в Пруссии в семье богатого текстильного фабриканта. Несмотря на то, что его отец был ярким поборником личного благочестия, отличался глубокими религиозными переживаниями и всеми силами стремился к живому общению с самим Богом, маленький Фридрих непосредственно в момент своего рождения осознал, что церковные догматы ему претят, и он желает всю жизнь посвятить освобождению текстильно-фабричных рабочих из цепких жадных лап своего отца. Исследователи до сих пор бьются над вопросом, что же послужило толчком для принятия такого решения, и сходятся во мнении, что всему виной был отъезд старшего Энгельса в неотложную командировку именно в тот момент, когда

он должен был присутствовать при родах младшего Энгельса – чем и нанес сыну несмываемое оскорбление. А, может, дело было просто в тривиальном сдобном печенье, которое маленький Энгельс попытался стащить из буфета в гостиной в день своего рождения, но не нашел его там и окончательно разуверился в справедливости мира.

В любом случае – ведь это очень правильно и очень логично, что самые рьяные революционеры зачастую произрастают из людей небедных (или даже богатых), приближенных к власти и имеющих почти все, о чем можно мечтать. А потому что у них всегда в достатке свободного времени, чтобы порассуждать о неправильности мироустройства и общем дискомфорте снаружи. Но, впрочем, повествование не требует от нас такого серьезного анализа, и мы просто следуем за нашими героями.

Так вот, детство маленького Фридриха окутано туманом, и теперь не представляется возможным доподлинно узнать, что же произошло с печеньем, и какого именно сорта оно было. И, может, будущий борец за права трудящихся его все-таки нашел и просто им объелся – в связи с чем и озлобился.

Есть еще одна гипотеза, отчего Фридрих так невзлюбил коммерсантов и иже с ними прочих капиталистов. Когда он поступил гимназию, то обнаружил, что напротив здания учебного корпуса располагается элитная парная для обеспеченных дам – там они разудало и с очень большим чувством проводили свободное время. С чердака гимназии было отлично видно и самих дам в negligé, и их кавалеров, которые – нет-нет, да и наведывались в парную скоротать унылые вечера.

Юный Фридрих на папенькины денежки купил у спекулянта на рынке подержанный морской бинокль (правда, в отличном состоянии – со всеми клеймами и надписями) и принялся наблюдать за дамами в парной, чему и уделял все свое свободное время, напрочь забыв об учебе и прочих студенческих обязанностях. Поэтому и завалил первую сессию, а также вторую и так далее – до тех пор, пока отец не забрал его из гимназии (и правильно сделал, потому что юный Фридрих доподлинно стал уже настоящим скрытым эксгибиционистом) и в приказном порядке поставил его в магазин – торговать сукном и портянками для прусской армии. Чем нанес сыну несмываемое оскорбление в лучших чувствах. Но, повторяем, это только гипотеза, и мы совсем не настаиваем на том, что это правда. Однако нам точно известно, что в магазине Фридрих скоро захирел и совсем потерял сон и аппетит.

Отец, видя подавленное настроение сына и вняв его настоятельным просьбам, все-таки отправил его учиться далее – на торгового работника в город Бремен. Там парной уже не было (деревня – что с нее возьмешь!), и Фридрих в итоге взял себя в руки и закончил сие учебное заведение – и получил надлежащий диплом, свидетельствующий о том, что теперь он может торговать портянками со знанием дела. Кстати, портянки так полюбились ему, что он решил даже стать военным, чтобы не расставаться с ними никогда более. Однако его молодецкого задора хватило только на один год службы – с 1841 по 1842 годы.

После армии Фридрих возмужал. Он решил немного попутешествовать и направил свои стопы в Британию, попутно заезжая во все встреченные им города на континенте. И вот в городе Кельн он случайно знакомится с Марксом, который к тому времени уже сыскал в определенных кругах репутацию непримиримого борца за права рабочих и сознательного крестьянства. И, конечно же, Энгельс не мог пройти мимо такого интересного молодого человека (тем более – с бородой, а не какой-нибудь мужлан-усатый-драгун!) и познакомился с ним, придя к нему в редакцию с огромным букетом полевых ромашек. Кстати, ромашки были просто условным знаком, которым марксисты подавали друг другу сигнал: «Я – свой!». А если вы подумали о чем-нибудь другом, то, значит, вы еще более испорчены, чем мы предполагали.

Так вот, Энгельс с Марксом попили чаю, обсудили политическую ситуацию в Европе и пришли к выводу, что рабочему движению (против капиталистов – торговцев некачественным сукном) может помочь только повышение рождаемости сознательного пролетариата – в связи с

чем Маркс дал Энгельсу пару адресочков в Манчестере, где ждали разбитные девушки, готовые оказать трудящимся эту нехитрую услугу. Кстати, обе они потом станут женами Фридриха – причем одновременно. Но, конечно, незарегистрированными. Но это уже мелочи.

После разговора с Марксом нетерпеливый Фридрих буквально летит на остров на курьерских, сгорая от желания познакомиться с девушками. И они не обманывают его чаяний, представ перед ним в образе юных бескомпромиссных дев и экзотических гурий в ватниках, суровых рабочих робах и лаптях на английский манер на босу ногу. Чем повергают Энгельса в нестерпимый гнев от чувства собственного бессилия изменить жизнь трудового народа на более сносную – и чтоб каждому по батистовому платочку, как у него! И он садится писать – выплескивая накопившееся недовольство мирозданием на ни в чем неповинную мелованную бумагу, которая с тех пор обречена терпеть все его словоизлияния.

Энгельс работает и работает, и вскоре все кругом начинают говорить о рождении в Британии новой звезды экономической науки, которая доподлинно доказывает, что труд и капитализм совершенно несовместимы, и чтобы жить хорошо, нужно просто взять все и поделить! Но только-только Фридрих начинает пожирать плоды успеха, у него возникают проблемы – идея о всеобщем дележе не встречает понимания в высшем свете Британии, и Энгельсу делают прозрачный намек: «Собирай манатки, да и катись ко всем чертям с острова – и без Маркса не возвращайся!»

И он едет искать Маркса, потом находит, и они вместе перебираются в Брюссель, где и живут зажигательной и полной развлечений жизнью: шатаются по борделям, пьют кофе в ресторанчиках и пишут экономические и пролетарские труды во славу марксизма-ленинизма.

Но сытная жизнь в Брюсселе длится совсем недолго: кипучая энергия друзей не дает им жить в покое и сытости, и они постоянно ввязываются то в одну революционную авантюру, то в другую – что напрямую влияет на их благосостояние и оседлый образ жизни. В результате Энгельс некоторое время вынужден скрываться в Швейцарии – поскольку разыскивается Интерполом за участие в гражданской войне за отделение от Пруссии нескольких областей, и в итоге – так же как и его друг Маркс – переезжает в Лондон, и англичане сразу берут его в оборот, как отличную фигуру для разрушения изнутри своих главных европейских конкурентов – Франции, Австро-Венгрии и Пруссии. Не забывая, конечно же, и о России.

Одновременно происходит окончательный разрыв Энгельса с отцом – на почве ненависти к портянкам, которые вдруг отчего-то стали раздражать Фридриха. Он пишет отцу гневной письмо, где обвиняет последнего в пособничестве эксплуататорам трудового народа и называет его: «Кровавым портяночником». P.S. О наличии такого письма недавно заявил авторитетный биограф Фридриха Энгельса господин Ватерклозетт Шварц Оберштурмбан, и мы ему верим.

Так вот, поскольку отец отвечает Фридриху нервически и перестает слать ему деньги на организацию рабочих кружков, тот некоторое время вынужден жить на накопленные сбережения, а потом (когда средства закономерно закончились) вместе с Марксом бросается во все тяжкие и начинает изливать на газетные полосы желтых британских печатных листов ушаты помоев в сторону России и русских. Но об этом мы уже писали выше.

Следует заметить, что Россия и русские, вообще-то, не волновали ни Маркса, ни Энгельса совсем никак – просто приходилось трудиться, чтобы заработать себе на кусок хлеба, а поскольку заказы были только на написание злобных пропагандистских пасквилей (и в самом деле, не на рудники же и в шахты идти работать проводникам пролетарской идеи!), то пришлось орудовать пером и делать деньги хотя бы на этом. А теперь зададим себе вопрос – как может деятельность всего лишь двух (умных, да – но, все же, только двух) человек повлиять на дальнейшую судьбу гигантской империи и гигантского народа? Тем более по окончании войны они прекратили свое проплаченное британскими деньгами баловство и занялись вещами более серьезными!

Для начала нужно акцентировать внимание именно на том – у истоков какого движения стояли эти два человека. Ведь они заложили краеугольные тезисы и догматы в основание секты большевиков – которая, действительно, была подлинной кровавой сектой и пересмотреть свои догматы не могла никоим образом. А какую философию получили большевики в качестве отправной точки пути? Первое: русские – настоящие животные (это, конечно, не так – мы-то с вами отлично знаем), но другое писать во время войны Британии и России, находясь на содержании британской разведки, невозможно. И второе: Россию, как государство животных, следует разрушить, а на ее осколках, подпитываемых народной кровью, должно образоваться несколько мелких государств – колоний Британии.

Вот именно из этих тезисов и исходили так называемые русские революционеры, которые пришли в Россию в начале двадцатого века, чтобы смести до основания всё, созданное не ими, – и именно эти тезисы они частично воплотили в жизнь.

Как мы видим, подоплека не так уж и сложна. Сначала возникает посыл, потом приходит время его воплощения. А каков посыл по содержанию – таким будет и результат. В данном случае лозунг: «Карфаген должен быть разрушен» с полной силой воплотился на территории Российской империи.

Но двинемся далее – чтобы не сильно утомлять читателя философскими измышлениями, принимая во внимание, что в наши дни это не сильно актуально, и большевики теперь совсем другие – вполне себе буржуазные, любят ездить на «Мерседесах» и «БМВ» и, прикрываясь на словах заботой о народе, ковать свое небольшое, но осознанное материальное счастье.

Вернемся к Энгельсу – пусть он еще чуть-чуть помозолит своим присутствием наши глаза. Далее в жизни Фридриха наступает этап бурной творческой деятельности. Служба на британскую разведку приносит ему необходимые для сносной жизни гонорары, и теперь он может вполне комфортно проживать со своими двумя женами и при этом иметь еще несколько любовниц на стороне.

Этим бедным женщинам остается только посочувствовать, поскольку Фридрих никогда не расплачивался с ними звонкой монетой, но вместо этого рассказывал сказки о том, что после победы коммунизма в отдельно взятой голове Фридриха, они заживут, как у Христа за пазухой, в которого он хоть и не верит, но допускает, что кто-то и верит. И женщины слушали, кивали головами, соглашались, а потом шли домой и умывались слезами, поскольку не могли прокормить детей, а имели в сухом остатке только рассказы Энгельса – которыми, как известно, сыт не будешь.

Если любознательный читатель откроет энциклопедию, он может насладиться огромным перечнем трудов, написанных Энгельсом, во время проживания в Лондоне. Но читать, конечно, их нет никакого смысла, поскольку почти все они посвящены проблеме организации гражданской войны рабочих против буржуазии на территории тогдашней Пруссии, а после – Германии. И о России в них не сказано ни слова. Что не помешало пришедшей вслед за Энгельсом большевистской банде сделать из него жупел и водрузить на знамя, как одного из основателей коммунистического движения, которое (конечно же!) задумывалось специально для России и русских.

Когда Маркс почил в бозе, Энгельс понял, что без него не представляет собой ничего особенного и вскоре помер от тоски и безысходности от ощущения ненужности. Так и закончилась жизнь этого человека. И нам остается только надеяться, что в момент божественного перерождения его закатают куда-нибудь в куст терновника – где ему самое место!

И в довершении повествования о Фридрихе Энгельсе мы можем привести здесь несколько его самоличных и задокументированных ответов на вопросы, чтобы читатель по достоинству мог оценить этого человека во всей красе:

Ваше главное качество? Все полужнать;

Порок, который Вы легко прощаете? Неумеренность всех видов;

Ваше любимое занятие? Дразниться и быть дразнимым;
Ваш любимый герой? Нет такого;
Ваша любимая героиня? Их слишком много, чтобы всех перечислить;
Ваш любимый основной принцип? Такового не иметь;
Ваш любимый девиз? Относиться ко всему легко.

Вот он и относился легко к грандиозной лжи, которую распространял вокруг себя с невероятной легкостью и невероятным цинизмом. Но, впрочем, другого от основателей большевистской секты и ожидать нельзя!

Переходим к нашему заключительному герою Владимиру Ульянову (Ленину), который оказался наиболее роковым для нашей многострадальной страны. Володенька Ульянов родился в 1870 году от рождества Христова в славном городе Симбирске, ныне известном, как Ульяновск. Семья маленького Владимира не бедствовала – папа трудился на ниве народного образования инспектором народных училищ Симбирской губернии, мама же была, в основном, по хозяйству.

Конечно, по сравнению с папашей Энгельса, старший Ульянов был гол, как сокол. Ну, сколько может заработать хоть и инспектор – но только лишь губернского масштаба? Совсем немного, и потому папе частенько приходилось грешить издоимством, прикарманивать, а потом нелегально продавать на рынке казенные подарки, предназначенные для хранения в присутственном месте, и не стесняться применять строгие государственные санкции к тем лицам, что отказывали ему лично в малой толике внимания и уважения. В итоге старший Ульянов (он был совсем неглуп и всегда делился прибытком от взяток и поборов с вышестоящим начальством) дослужился-таки до чина статского советника, что по новому стилю, считай, целый генерал. И, кстати, дает право на наследственное дворянство. А вот сыновья Ильи Николаевича – главы семейства – пошли совсем другим путем, чем и свели в могилу отца прежде времени.

Старший брат Володеньки Александр был по тем временам знатным террористом и в итоге поплатился за свои кровавые деяния по заслугам – строгое конкурсное жюри приговорило его к повешению в знак отмщения за покушение на жизнь императора Александра III Миротворца. Что стало непереносимым ударом для папы, мамы и их сына Володеньки, который сам в свою очередь решил отомстить и извести под корень всю царскую династию, включая детей, стариков и остальных взрослых – и их родственников, и дальних родственников и даже домашних животных, и рыбок и попугая Кешу. И, как оказалось, в итоге сдержал свое обещание.

Но до этого еще далеко, а пока повзрослевший уже немного Ульянов учится в Симбирской гимназии, командует которой некто Керенский Ф.М. – отец будущего главы временного правительства Александра Керенского. Сей муж прославился тем, что в 1917 году на автомобиле с перебитыми номерными знаками, переодевшись в платье трансвестита, под покровом туманной тьмы, укрывшей Петербург от божьего ока, сбежал из ограбленной им России в Европу, где и стал жить-поживать, да добра наживать.

И злые языки до сих пор утверждают, что не последнюю роль в победе Керенского сыграла мужская дружба Володеньки Ульянова с папой Александра – еще в бытность Володеньки учеником гимназии. Которую он закончил с золотой медалью – а что еще оставалось ожидать от человека, папа которого был приставлен надзирать за этой самой гимназией? А вот если бы папа не был инспектором, то никогда бы в жизни Ульянов младший не выбился бы в отличники и сидел бы до сих пор в своей губернии и лаптем щи хлебал. Глядишь, и жилось бы лучше и вольготней на Руси! Вывод: как всегда, во всем виноват блат, горизонтальные теневые связи и коррупционные схемы – что и сейчас актуально.

Но, как бы то ни было – может, виноват проклятый блат, а, может, царская сатрапия, которая душила террористов направо и налево, но после законного повешения брата маленький Ульянов совершенно пошел в разнос. Как же – клятву мести нужно было исполнять, а

были ведь еще и другие дела-заботы, и время на дворе стояло совсем не праздное, и в воздухе пахло революцией и всеобщей мобилизацией! И Володеньку понесло.

Первым делом после зачисления в университет он вступает в кружок «Народной воли», возглавляемый очередным несостоявшимся кандидатом в раввины Лазарем Богоразом. Где и объявляет всем, что для скорейшего завершения дела революции лично ему Ульянову нужно прямо сейчас выдать «Парабеллум» с ведром патронов, и он пойдет убивать душителers свободы – пока всех не перебьет. На него смотрят немного странно и с опаской, но все же через несколько месяцев дают возможность проявить себя – во время вспыхнувшего студенческого бунту по случаю попыток выявления неблагонадежных среди студентов и лишения их дополнительных ста граммов водки ежесуточно. За водку Ульянов готов идти до конца – он свирепо выкрикивает лозунги на манифестациях, яростно строчит в «Твиттер», перепостит в «Фейсбуке» – и даже начинает вести собственный «ЖЖ», чтобы быть ближе к народу и чувствовать живой пульс накатывающей вот-вот народной воли.

Но ничем хорошим его писанина не закончилась – повзрослевшего борца за народное счастье арестовали и оправили в участок. Однако вскоре выпустили, поскольку местные заключенные жаловались начальству, что Володенька окончательно разрушил им мозг своими лекциями о правильности и совершеннейшей необходимости классовой борьбы. Пришлось отослать его с глаз долой обратно в Симбирск, где он форменно впал в депрессию и запил горькую по случаю недопонимания его со стороны широкой общественности. И над ним сжалились и разрешили вернуться в Казань в университет!

В связи с чем мы до сих пор не перестаем удивляться, насколько мягким и демократичным был царский режим в те времена – он прощал своих подданных даже за выступления против него самого – не то что выросший скоро Володенька, который с великим удовольствием и завораживающим энтузиазмом залил всю страну кровью! И, конечно, исключительно на благо великой идеи!

В Казани Володенька учился ни шатко, ни валко, но все больше участвовал в работе марксистских кружков и впитывал воззрения Маркса и его любезного друга Энгельса на Россию вообще и на русский народ в частности. А когда в 1889 году семья Володеньки прикупила квадратный километр земли под новую виллу, и местные крестьяне, пользуясь тем, что старший Ульянов гулял неделю с товарищами по этому случаю, увели из семьи лошадь и пару коров (чем причинили существенный ущерб домохозяйству Ульяновых), Володенька окончательно пришел к мысли, что да – сей народ не достоин называться людьми и требует окончательной и безоговорочной перековки в кровавом горниле революции. Вот так безымянные крестьяне и стали тем пороховым зарядом, который в итоге окончательно и разорвал Российскую империю изнутри!

Постепенно взгляды Ульянова младшего эволюционируют от народовольческих до социал-демократических. С 1894 года он начинает активную пиар-кампанию по продвижению своего имени и своих идей среди необразованных рабочих и еще более необразованных крестьян, которые, по замыслу Володеньки, должны стать дешевым расходным материалом (а проще говоря – дровами) – с их помощью будет поддерживаться огонь в топке всепоглощающей пролетарской революции.

Небольшое отступление. Каждый, кто так или иначе вырос в Советском Союзе, помнит доброго дедушку Ленина (Ульянова), который снимал последнюю рубашку и делился остатней крошкой хлеба с трудовым народом и революционным крестьянством. Так было – но было только в пропагандистских фантазиях коммунистических горлопанов! Однако массы верили.

А вот так обстояли дела в реальности: «Вл. Ульянов... резко и определённо выступил против кормления голодающих. Его позиция, насколько я её сейчас вспоминаю, – а запомнил я её хорошо, ибо мне приходилось не мало с ним о ней спорить, – сводилась к следующему: голод есть прямой результат определённого социального строя; пока этот строй существует,

такие голодовки неизбежны; уничтожить их можно, лишь уничтожив этот строй. Будучи в этом смысле неизбежным, голод в настоящее время играет и роль прогрессивного фактора. Разрушая крестьянское хозяйство, выбрасывая мужика из деревни в город, голод создаёт пролетариат и содействует индустриализации края... Он заставит мужика задуматься над основами капиталистического строя, разобьёт веру в царя и царизм и, следовательно, в своё время облегчит победу революции» (из воспоминаний В. В. Водовозова о позиции Ленина в отношении голода 1891–1892 годов).

Что ж, как сейчас принято политкорректно говорить – Ульянов был прагматиком до мозга костей и использовал любую возможность, любой предлог, чтобы как можно быстрее внедрить идею пролетарской революции в массы. Мы же имеем право называть его просто чудовищем, который отказывал голодающему в хлебе только из-за того, что голод служил хорошей рекламой его кровавым бредням. Хотя, конечно, наше суждение не является окончательной инстанцией, и, без сомнения, многие думают иначе. Их право. Тем более, сам Володенька всю свою жизнь разгоряченно доказывал, что он лучший друг голодающих и готов отдать им все – однако не отдавал, но, напротив, во времена Военного Коммунизма отнимал последнее, чем и уморил сотни тысяч – если не миллионы крестьян.

Идем дальше. Злочинная власть императорской России оказалась не столь злочинной, как ее изображали после победы большевиков, и совершенно не запрещала даже таким отъявленным террористам, коими, безусловно, являлись и младший Володенька и его старший брат, передвигаться по стране и выезжать на воды в Европу.

В 1895 году Володенька совершил первый европейский круиз, где наконец-то встретился со своим кумиром Плехановым, которого смело можно назвать духовным наставником Володеньки. Находясь под впечатлением от очной ставки с ним, Ульянов меняет свое отношение к России, переводя ее из разряда «капиталистической» в разряд «полуфеодальной», и еще более убеждаясь в том, что России – этому несуслазному анахронизму – нет места на планете Земля, и ее нужно уничтожить во что бы то ни стало.

Именно после встречи с Плехановым Ульянов выдвигает новые актуальные тезисы свержения самодержавия – теперь он настаивает на заключении союза с либеральной буржуазией в качестве временной меры для захвата власти. Для этого, конечно, все средства хороши, а уже после можно с легкостью прижать к ногтю и саму либеральную буржуазию.

Ненадолго вернувшись в наши дни, где постоянно на слуху фамилия некоего Джина Шарпа – известного идеолога «цветных революций» – можно смело утверждать, что он полностью скопировал теоретические и практические разработки Ульянова и переложил их на более-менее современные реалии. И, само собой, как это принято у американцев, присвоил всю славу себе. Но мы на американцев не обижаемся, понимая, что присвоить чужую бесхозную интеллектуальную собственность – это ведь так по-американски! Ну да и ладно – как и то, что если хочешь иметь дело с американцами, будь готов, что они будут предавать тебя по три раза на дню – не потому, что не любят тебя или, например, презирают, а потому что просто, бизнес есть бизнес.

Когда Володенька возвращается в Россию, его арестовывают. И дело тут вовсе не во встречах с Плехановым, а в его подрывной деятельности под крылышком теперь уже немецкой разведки – в отличие от Маркса и Энгельса, которые работали на британскую.

Ульянова сажают в катажку, где из-за мягкости существующего государственного строя он имеет возможность работать – много читает, пишет книги, общается с соратниками и идеологами большевистского переворота по «Skype», висит в Интернете и смотрит и комментирует ролики на «YouTube», который специально создала одна американская корпорация, чтобы проводить массовую идеологическую обработку населения в тылу врага (в связи с чем многие ученые до сих считают, что в плане Ульянова немецкая разведка упорно конкурировала

с британской и американской, которые тоже пытались через него влиять на события в России – и даже дали ему бесплатный РС с доступом в глобальную паутину).

Через год царская охранка, понимая, что общение Ульянова через Интернет необходимо срочно ограничить, отправляет его в ссылку в глухомань под названием: «Шушенское», где не то что Интернета, но даже и мобильной связи нет. Чем ввергает Ульянова в совершеннейшую прострацию и лень ума.

Зато теперь у Ульянова есть возможность уделять больше времени своей гражданской жене Надежде Константиновне Крупской, чему она очень рада и не скрывает, что хотелось бы еще и детей для полного счастья. Но Ульянов непреклонен и предохраняется от нежелательной беременности перетягиванием мужского органа у самого основания в момент наивысшего наслаждения. Чем и показывает пример беспримерного героизма на благо одной великой цели – а потому, что не разбрасывается по пустякам. Ему скучно, книг мало, телефонные переговоры очень дороги, и кроме снега и здоровой крестьянской ребятни вокруг есть только не менее здоровые крестьянки, до которых уже дошел слух, что Ульянов – столичный половой терминатор (а потому что перетягивается и держит себя в руках), и они целыми толпами бегают за ним с одной единственной просьбой – исполнить, наконец, его мужское предназначение на нашей грешной земле.

В результате непрекращающегося давления несознательных крестьянок на будущего вождя мирового пролетариата, которого они по праву считают завалящим и бесхозным, Ульянов приходит к мысли, что без венчания с Крупской ему не обойтись, и из двух зол нужно выбирать наименьшее. А Крупская, конечно – меньшее зло, поскольку настолько идеологически зомбирована, что только соратником по борьбе и может быть и никоим образом не способствует излишней потенции (хоть и из дворян!)

Их венчание состоялось в июле 1898 года под звон церковных колоколов и в присутствии священника, которого ровно через двадцать два года по личному приказу Ульянова большевики выведут в расход, дабы другим неповадно было. Однако по свидетельству некоторых источников, он умер раньше, чем и спасся от расстрела. Этого мы точно утверждать не можем, что, конечно, не отменяет того факта, что сотни тысяч православных священников были замучены и истреблены за неполные шесть лет после прихода к власти Ульянова и его подручных.

Время летит быстро, и вот на дворе уже XX век. В феврале 1990 года срок ссылки Ульянова заканчивается, и он с новыми силами бросается на борьбу по свержению существующего государственного строя. Нужно особо подчеркнуть, что тогдашние русские власти и полиция были слюнтяями, и даже такого маньяка, как Ульянов, не могли надежно изолировать от общества. Вот то ли дело он сам – когда становится во главе большевистского переворота – не жалеет никого и ничего, и на личном примере доказывает, насколько можно в один миг обесценить понятие человеческой жизни.

Так вот, 1990 год – год знаменательный. Пользуясь попустительством властей, Ульянов и его террористы при поддержке «международного коммунистического движения», финансируемого банкирами Уолл Стрит, немецкой и британской разведками, практически в открытую ведет подрывную деятельность в России. При этом следует понимать, что в самих Соединенных Штатах Америки, Германии и Великобритании совершенно отчетливо осознают опасность, которую несет в себе учение марксистов о необходимости мировой социальной революции. И стараются всеми силами отодвинуть от себя угрозу восстания пролетариата против правящего класса эксплуататоров. А куда отодвигать, кроме как в Россию? Некуда! И при этом совершенно неважно, что в России трудовой класс ведет образ жизни, скорее присущий мелкому буржуа – имеет возможность разнообразно и качественно питаться, культурно отдыхать и пользуется определенным уважением в обществе. И никого не волнует, что население России, в основном, крестьяне – и ни о какой пролетарской революции и не помышляют.

Одновременно с коммунистическими идеями в российском обществе зреет недовольство правящей монархией в лице императора Николая II, который оказался безвольным, слабым политиком, сыгравшим роковую роль в истории отечества. Вероятно, рядом с ним в нужный момент не было никого, кто бы мог указать ему, что богобоязненность это, конечно, хорошо, но для управления огромным государством она мало подходит. И кроме наличия богобоязненности страна должна уметь защищать своих граждан от выстрелов орудий крупного калибра, массового промывания мозгов и спонсируемого со стороны запада революционного террора.

Ульянов, как никто другой, подходил в качестве тарана, способного убежденностью и маниакальным напором расшатать и без того уже неустойчивые основы царской власти. Его активизация происходит на фоне общего спада революционного движения по всему остальному миру. Чувствуется уверенная рука теневого кукловода, которые направляют разрушительные социальные идеи в нужное русло!

Через пять лет – 1905 год! Год унижительного поражения России в русско-японской войне. К тому времени Владимир Ульянов уже более известен, как Ленин – именно под таким псевдонимом вышла в 1901 году его статья, посвященная аграрному вопросу...

Глава 2. Внутри

Иван Иванович вновь оторвался от статьи. Он осилил большую ее половину и теперь имел полное представление о том заряде ненависти и злобного зубовного скрежета, которая она в себе несет по отношению к коммунистическим идеалам и коммунистическим же вождям.

Он посмотрел на часы. Чтение отняло у него все утро, и сейчас время неумолимо приближалось к обеду. Следовательно, вскоре нужно идти на предпоследнее заседание Думы, чтобы принять необходимые обществу законы о прекращении – и об одновременном одобрении работы той самой Думы.

Но для начала – обед! Иван Иванович похрустел костями, размял затекшие ягодичные мышцы и протер очки влажной салфеткой. Зрение стало садиться лет пять назад – глаза постоянно напрягались, а когда приходилось нервничать, так и вообще, горели огнем изнутри. Врачи провели полное обследование и пришли к неутешительному диагнозу: «Глаукома в начальной стадии», что, конечно, было совсем нехорошо.

Впрочем, на стороне Ивана Ивановича – статус, положение и материальное благосостояние, поэтому самая лучшая мировая медицина была к его услугам. Глаза неплохо подлечили, но с тех пор он вынужден был периодически проходить курс обследования и профилактики, а иногда даже пить таблетки. Но в его возрасте такое случается со всеми, проблемы со здоровьем накатывают, как снежный ком, и любой человек в возрасте относится к таблеткам спокойно.

Итак, обед! Иван Иванович зашпешил к выходу – нужно влиться в стройные думские ряды, мерно растекающиеся по этажам: в рестораны, ресторанчики, закусовые, кафе и столовые!

– Пожалуй, сегодня стоит отведать русской кухни! – Иван Иванович задержался возле секретарши Алины и скомандовал ей бросать все дела, хватать папку с неотложными документами и следовать за ним в кильватере: он приглашает ее отведать пельменей, а заодно и подпишет бумаги, на которые вечно не хватает времени.

Алина служила у него совсем недолго – где-то месяца четыре, отличалась деловой хваткой, горела на работе, обладала завидной живостью характера, недюженными способностями и к тому же была вызывающе симпатична. В общем, золото, а не девушка.

Кто-то может поспорить, что женская красота – это в Государственной Думе вещь второстепенная, и будет в корне неправ. Поскольку красота – она даже и в Думе тот путеводный маяк, на котором держится всё судоходство, и рядом с которым лавируют не только закопченные буксиры с юнгами на борту, но и могучие авианосцы, коим тоже приятно внимание!

Алина была ростом 173 см., на высоченных каблуках (актуальных платформах, которые вошли в моду совсем недавно и вызвали ожесточенные споры: не похожи ли девушки в них на «ночных бабочек»?) в микроюбке (короче «мини» ровно на пять сантиметров), в шикарной итальянской блузе с вырезом на спине – в общем, Иван Иванович, глядя на нее, ловил себя на мысли, что есть еще порох в пороховницах, и как-нибудь обязательно нужно тряхнуть стариной в тесной компании.

А молодых помощников Ивана Ивановича оставалось только пожалеть, они каждый день исходили слюной – да все без толку. То, что принадлежало боссу (а Алина была именно таковой), являлось табу: смотреть можно, но дальше – ни, ни! Потому что ничего особенного не сделают, но работы лишишься и вдогонку получишь волчий билет: дескать, пил водку на службе, прогуливал – и поэтому уволен по статье!

Иногда Иван Иванович приглашал Алину к себе в кабинет поговорить по душам. Она недавно закончила престижный филологический факультет МГУ, отличалась классическим выговором и могла поддерживать светскую беседу на должном уровне. Плюс Ивану Ивановичу так нравились ее длинные ноги (он сажал ее в низкое кресло напротив и скромно предлагал

не складывать ногу на ногу – чтоб из-под юбки были видны трусики), что он даже прощал ей скудные знания об истоках коммунистического движения, задачах, стоящих перед партией, и о пути, котором идут трудящиеся всех стран.

Следует отдать должное и Алине: училась она быстро, схватывала все на лету и, вообще, была «smart young lady», как говорят наши потенциальные враги по ядерной войне, которая когда-нибудь обязательно начнется – в этом Иван Иванович нисколько не сомневался. Слава богу, он был умудренным жизнью человеком и понимал, что благостные и успокаивающие слова со стороны Запада призваны исключительно для того, чтобы затуманить разум российского патриота, и на них нужно плевать слюной – именно так плевали до исторического материализма, как верно заметили Ильф и Петров.

Впрочем, речь не об этом, и даже не о том – а об Алине, которая была, действительно «smart» и уже давно порывалась навестить загородный дворец Ивана Ивановича в интимной обстановке – т. е. ночью, переходящей в бурное расслабленное утро. Но пока что такая возможность ей не выпадала, поскольку Иван Иванович все еще не решил для себя, стоит ли ему вводить Алину в самый близкий круг. Поэтому ей приходилось довольствоваться только периодическим показом ног и трусиков. Хотя и это был уже внушительный рывок вперед – ведь после каждого просмотра зарплата Алины немного повышалась, а также следовали подарки и все более и более прозрачные намеки.

Алина была только рада и уже строила планы: что же будет после того, как у нее все получится. Планов было громадье – единственно только, что не ГОЭЛРО и не колхоз по всей стране в совокупности с продовольственной программой, а масштабами слегка поменьше. Но все без исключения планы были радужными – все-таки девушка образованная, фантазией не обижена – так же как и энергией, и силой, способной воплотить фантазии в быль.

А Алины были прекрасные формы: тонкая талия, округлые упругие бедра, высокая полновесная грудь, изящные черты лица, чувственный рот и длинные кудрявые волосы золотистого оттенка. Эту роскошь довершали зеленые глаза, что было великолепным дополнением ко всему антуражу. В общем, не девочка, а мечта, но других в окружении Ивана Ивановича и не было – поскольку он соглашался только на лучшее.

А теперь представьте, что может сотворить с мужчиной такая секс-машина, если у нее все в порядке с головой, и старорежимные патриархальные трухлявые убеждения отброшены в сторону и спрятаны под ковер! А еще лучше – похоронены навсегда, поскольку мешают жить, и пользы от них никакой!

Да она просто порвет его на части, причем без всяких усилий, и будет вертеть им так, что флюгер на вершине Эвереста не идет ни в какое сравнение! Что мы и наблюдаем повсеместно, когда сталкиваемся с подобными красотками, и воем, и воем внутри, не в силах к ним прикоснуться! И нам остается только сожалеть, что мы – не Иваны Ивановичи Капитоновы, которым все, а нам – почти что шиш! Впрочем, жалость к себе – дело неблагодарное и, вообще, кто сказал, что у простого человека нет шансов? Конечно, есть! Но только очень простые!

Итак, Алина мгновенно бросила телефонную трубку (она разговаривала с Костромской областью и нудно вдалбливала слушателям на том конце, что следует ответственно походить к делу, а не пускать его на самотек), схватила заранее подготовленную папку и мелко засемила за Иваном Ивановичем, смешно ступая на своих гигантских платформах. А он плыл впереди, как атомный ракетный крейсер «Петр Великий», и суденышки поменьше с жалобным писком расступались перед ним, боясь попасть под форштевень и быть раздавленными.

Ресторан русской кухни находился на шестом этаже. Вообще, раньше в здании Государственной Думы все было несколько демократичнее (депутаты из всех сил пытались делать вид, что близки к народу и тоже не чужды столовским котлеткам непонятно из чего), но постепенно все встало на свои места – деньги, отягощающие карманы, должны тратиться, и почему не создать для этого условий прямо по месту службы?

Под раскидистой сенью Законодательного Собрания начали расти (как грибы после мелкого противного дождя, в народе именуемого «грибным») различного рода харчевни и филиалы Общепита, способные удовлетворить любой, даже самый притязательный и изысканный вкус власть предержащих.

Итак, на первом этаже располагались:

– «Ромбик» – забегаловка для низших думских чинов, ассистентов помощников депутатов, секретарш без портфеля и обслуживающего персонала (техников из хохлов, уборщиков из таджиков и отечественных монтеров Мечниковых, которые значительно выделялись среди всех остальных статью и зримым интеллектом);

– «Папа-Мак» – контингент тот же самый, но цены намного дешевле, вследствие чего кафешка пользовалась особой популярностью у обездоленных обитателей нижних этажей. Заведение ставило перед собой задачу максимизировать прибыль, поэтому торговала исключительно фастфудом, приготовленном на машинном масле совершенно без добавления натуральных продуктов. Но это никого не смущало, поскольку цены, как известно, в некоторых случаях являются определяющими.

«Крошка-коняшка» – как следует из названия, ресторан специализировался на приготовлении блюд из конины, поскольку в связи с невероятным наплывом приезжих из Средней Азии и Казахстана блюда из этого диетического продукта пользовались повышенным спросом – и даже среди обитателей со статусом и персональными кабинетами (которые, впрочем, стеснялись сюда спускаться и посылали за ростбифами и жарким из бывшего Орлика или Лапушки подчиненных в масках и с простуженным голосом – чтобы вдруг случайно никто не признал).

На первом этаже мы задерживаться не станем – поскольку, ну какой интерес наблюдать за бытом смердов, когда все основные события происходят наверху – т. е. в высших эшелонах власти!

Второй этаж:

Кафе: «Кофе плюс булка» – понятно, что торгуют кофе в разлив и пирожными по ценам значительно ниже общегородских, поскольку находятся на дотации думского комитета, заведующего непосредственно организацией питания в здании Законодательного Собрания.

Кафе: «Нежесткий рогалик» – вопреки названию, рогаликов в этом заведении отродясь не бывало, зато вовсю из-под полы наливали отличный первач, произведенный в домашних условиях из ягод и южных фруктов. Заведение имело налет эксклюзивности и богемности, и его иногда посещали даже депутаты – и особенно из оппозиционных фракций.

Депутатов можно понять, поскольку очень часто все их потуги перестроить страну в соответствии с их желаниями наталкивались на глухое непонимание пассивного большинства, которое рубило все важные инициативы на корню, оставляя после себя послекусие, напоминающее зарево приснопамятного 2010 года с его адской жарой и не менее адским смогом.

Поэтому у депутатов и возникало желание накатить по стопочке первача, настоявшегося на рябине, да и пойти залихватски петь под гармошку, чтобы успокоить нервы после очередной бурной дискуссии и немного расслабиться – развязать и бросить на кресло галстук, расстегнуть две верхние пуговицы на рубашке, скинуть пиджак и даже (в исключительных случаях) припустить брюки, чтобы ремень не перетягивал катастрофически выросший в последнее время живот.

Идем дальше: Кафе «Индиго». Специализировалось на индийской кухне, а самое главное – на воссоздании далекого восточного антуража: с танцовщицами, кальянами, натуральным шафраном в ажурных розетках, цветочным чаем и слугами-индусами, всегда готовыми исполнить любую прихоть депутатов и их многочисленной свиты. Впрочем, на слуг мало кто обращал внимание, зато на танцовщиц – совсем другое дело.

Их выписывали специально из штатов Пенджаб и Джаму и Кашмир, поскольку именно проживающие там танцовщицы не только славились своими грациозными формами и мастер-

ским исполнением танца живота, но и могли в любой момент прочесть лекцию о проблемах столкновения цивилизаций и о тектонических сдвигах, произошедших в сознании некогда представителей одного народа. В чем виноваты были, естественно, англичане с их гнусной политикой двойных стандартов и желанием вечно разделять и властвовать.

Впрочем, обычно до чтения лекций не доходило – танцы устраивали почти всех (за исключением особых случаев – когда в заведение приглашали делегации индийских парламентариев). Тогда танцовщиц прятали по подсобкам, слуг-индусов распускали по домам заниматься хозяйством, кальяны с веселящим тамошним табаком меняли на бутылки с водкой: в общем, заведение становилось строгим и даже немного отрешенным, хотя неуловимый восточный аромат все еще витал под потолком и оседал на стенах. Но – уже в более политкорректной форме.

Третий этаж.

Здесь было скучно, и сюда почти никто не ходил. На третьем этаже царствовали буфет для легкого питания на скаку и производственная столовая, которая застыла еще со времен Советского Союза. На стенах столовой висели портреты Ленина и Сталина – и даже Никитки Хрущева с товарищем Сусловым, а директор-распорядитель столовой несмотря на сильнейший натиск депутатов из фракции «Триединое Единство» наотрез отказывался их снимать. Поэтому столовую называли «Заповедником гоблинов», и кроме как из коммунистов (помощников и младшей прислуги), сюда никто не ходил. И, кстати, зря: в обеденные часы здесь подавали «Агдам 777» и «Медвежью кровь» в граненых стаканах, и неподражаемый винтажный колорит бауманской студенческой общаги пропитывал всё помещение.

Четвертый этаж.

В правом крыле здания обосновался китайский ресторан «Поруганный огненный дракон», в левом – японский: «Враждебная челюсть самурая». Аккурат меж ними находилась закусочная «Озеро Хасан», которая выполняла роль буфера, разделяя две противоборствующие стороны – как и семьдесят лет назад. Депутаты и хозяйственные структуры Законодательного Собрания чтили и уважали историю, и никто и никогда не мог обвинить их в безграмотности.

В «Драконе» подавали отличные копченые змеиные хвосты, пользующиеся бешеным спросом, а в «Самурае» – заточенные плавники рыбы Фугу (их очень любили жевать депутаты на особенно длинных пленарных заседаниях). Ну, а в «Озере Хасан» потчевали перцовкой и крутили любимые народом марши: «Мы – красные кавалеристы», «Три танкиста» и «По равнинам и по взморьям».

Сюда иногда спускался даже сам товарищ Зарганов (в особенно торжественные дни – например, после приема желающих поступить в пионеры на Красной площади). И тогда специально для него разворачивали большой экран, устанавливали проектор и запоем крутили «Чапаева», особенно делая ударение на положительную роль товарища Фурманова, который был то ли за коммунистов, то ли за большевиков.

Пятый этаж был посвящен исключительно южноамериканскому континенту. Там располагались:

Ресторан «Юность Че» – отличные гаванские сигары, отличный гаванский ром «Гаванский ром», два знаменитых торседороса (крутильщики сигар из табачных листьев), рис, бобы и много-много зажигательной кубинской музыки, гремевшей 24 часа в сутки и семь дней в неделю без перерыва.

Ресторан «Хорхий, Бенита и корасон» – аргентинская кухня, танго, круглопопые девушки в банановых мини-юбках и с цветочными клумбами на головах, слуги в полосатых тельняшках, паркет для занятий танцами и мастер-класс – для желающих овладеть профессиональным мастерством под руководством победителя десятка международных конкурсов по танцам мосье Антонио.

Ресторан «У истоков Амазонки» предлагал отведать изысканное запеченное филе из пираний, задние ноги тапиров, нафаршированных грудками ара и какаду, лобии из бразильских орехов, сдобренное тертыми клыками гиппопотамов, и т. д. – в общем, полное изобилие экзотической кухни, да такой, что даже у выдавших виды эстетов глаза лезли на лоб от удивления.

На шестом этаже, как уже было сказано выше, возлежал ресторан русской кухни: «Огорченный Горчаков». В свое время коммунисты и патриотические силы специально настояли, чтобы на всем этаже он был один, и никто не мог претендовать на соседство с ним.

И неспроста. Поскольку мы все живем в России, то русское должно быть для нас священо. Правда, кое-кто может с этим не согласиться, но поскольку депутаты вынуждены подыгрывать чаяниям народа, игнорировать стремление масс к патриотизму они не могут. Подумайте сами: а что если пронирливые журналисты прознают, что рядом с «Горчаковым» открыл двери какой-нибудь похабный американский «Культо-Негро»? В то время как те же самые американцы всеми силами стараются навредить России и ее национальным интересам?

Кто сможет внятно объяснить, почему дали зеленый свет проклятой франшизе янки аж в целом здании Парламента? Кого назначат крайним и спустят на него всех собак?

Поэтому при здравом размышлении депутаты из комитета решили сделать русский ресторан центральным звеном всей пищевой композиции и расположить его в гордом одиночестве ровно в середине здания (и по горизонтали, и по вертикали). И строго следить, чтобы на шестом этаже больше ничего подобного не открывали.

Предусмотрительности депутатов можно только позавидовать: с течением времени основная масса парламентариев облюбовала именно «Горчакова», что считалось хорошим тоном и проявлением заботы о сбережении народа и повышении престижа России, как возрожденного имперского государства.

Именно сейчас сюда и направлялся Иван Иванович с длинноногой секретаршей Алиной, но пока они спускаются в лифте, у нас есть еще время быстро пробежаться по другим заведениям общепита, оставшимся неохваченными в нашем правдивом повествовании.

Итак, седьмой этаж. Поскольку цифра семь всегда сулит удачу, здесь решили оборудовать мини-казино, где можно было в перерывах между напряженной работой перекинуться в польский банчок, покер по-Техасски и даже в «Девятку», игру хоть и почти детскую, но от этого не ставшую менее увлекательной. Но на этом, конечно, перечень азартных игр отнюдь не ограничивался, и депутаты были совсем не стеснены в выборе.

Так, например, парламентарии от либерального движения (не путать с демократами, поскольку последние есть абсолютное зло, и от них нужно бежать, как черт от ладана), любили перекинуться в «Деберц», вспоминая молодость и азарт, сопутствующий первоначальному накоплению капитала. А то и просто в «Очко» – игру незамысловатую, но интересную и напряженную – с последствиями.

Коммунисты предпочитали идти проторенным ленинским путем и испытывать судьбу на рулетке, как делал в свое время вождь в бытность в Швейцарии на конспиративной квартире. Представьте: тусклый зеленый свет, падающий из-под зеленого абажура на зеленое сукно. В середине композиции вождь, сжимающий в руке маленький металлической шарик в надежде раскрутить его с прицелом на Зеро.

Одна попытка, вторая, третья! Результат – ноль! Т. е. именно ноль, а не Зеро. Вот так и с всеобщей мировой революцией – что ни делай, все мимо кассы! А потому что для хорошей перетряски общества нужна маленькая победоносная война, и желательно – с миллионными жертвами. Но не будем углубляться в дебри ленинской философии, просто запомним, что коммунисты предпочитали именно рулетку, хотя и выигрывали нечасто. Зато когда удача была на их стороне, они немедленно отправлялись петь гимны и устраивать демонстрации, и тогда все остальные видели: да, сегодня им повезло!

В отличие от коммунистов и либералов социал-революционеры редко когда навещали казино, поскольку постоянно были заняты подготовкой заговоров по свержению действующей власти. Казалось бы, это прерогатива именно коммунистов, но нет! Все пошло наперекосяк в доме Облонских, и коммунисты переняли и хорошенько усвоили принципы капиталистического общества, старались жить в неге и богатстве и в целом смирились с судьбой – а вот эти бунтовали!

Парадокс, скажете Вы, но нет! Потому что бунтовали они на деньги заокеанских спонсоров, которые вливались живительным потоком в их обессиленные партийные структуры. В общем, скучные люди, и говорить о них совсем не хочется. Ведь даже радоваться и транжирить состояния, как и положено нормальным людям, не умеют. А только гадают и гадают, а еще ходят на демонстрации и воют гнусными голосами в поддержку демократии в отдельно взятой стране, которая и без их существования отлично проживет!

Чтобы закончить обзор посетителей казино, не следует забывать и партию власти. О ней мы ничего толком сказать не можем, поскольку власть – субстанция сакральная, и все стремятся в нее попасть. Мы тоже стремимся – пусть и не в депутаты, то хотя бы в мэры или на худой конец в градоначальники Нью-Васюков, что в Калмыкии. Впрочем, нет! Все же следует быть объективным и не заигрывать с властью столь откровенно! Поэтому пересилим себя.

Итак, начальники комитетов любили резаться в преферанс – многие из них были бывшими военными или же закончили технические ВУЗы, а эта игра входит в базовый курс обучения любого уважающего себя инженера. А некоторые даже коротали время за бриджем – что уже вообще высший пилотаж, и кроме как чувства уважения ничего вызывает.

Депутаты попроще, и это совершенно понятно, стремились вслед за начальством, поэтому тоже писали пулю (в крайнем случае перекидывались в «Тысячу», что, конечно, попроще, но иногда думать надо). А вот председатель и заместители председателя играли исключительно в «Монополию», которая хоть и не имеет отношения к карточным играм, но все ж чрезвычайно азартна и настолько близка к жизни, насколько это вообще возможно.

Нет ничего слаще чувствовать себя владельцем заводов, фабрик и даже концерна АвтоВАЗ! А если еще имеешь пару скважин, то это настоящее счастье, равное которому еще поискать. И, кроме того – все-таки целый председатель и замы, и не с руки им портить свою репутацию картишками и рулеткой, когда можно спокойно развлекаться, избегая последствий!

Движемся дальше. Восьмой этаж.

После ресторана русской кухни и казино, имевшего скромное название «Бриллиантовый рай», восьмой этаж можно считать почти пустым. Здесь были закусовые и кофейни – похожие на те, что внизу, но только с ценами в три раза выше. Поскольку восьмой этаж – не первый и не второй, и люди здесь ходят совсем другого ранга.

Но все равно, в кофейнях и закусовых нет ничего интересного, поэтому просто следуем дальше – на девятый этаж. Поскольку девять, согласно восточной традиции, тоже цифра неплохая (хотя многие рассматривают ее, как перевернутую шестерку, что есть чистый бред (как тогда воспринимать восьмерку или ноль?)), то девятый этаж был признан отличным местом для боулинга – ведь в этой игре также необходима удача, как и во всех остальных.

Боулинг назывался: «Четыре катящихся яйца». Название оригинальное и запоминающееся, и многие, впервые услышав его, не могли толком понять, о чем идет речь, а только громко ржали, чем вызывали недоумение у старожилов Госдумы.

– Куда пойдем? – такой диалог можно было часто услышать между двумя или несколькими спешащими по коридору депутатами.

– Пойдем в «Яйца», шары погоняем, а то что-то кровь застоялась!

И бессмысленно пугаться и думать скабрезное, поскольку здесь нет ничего противозаконного, а только спорт и отдохновение души для разносчиков законотворчества по всей вели-

кой матери России! И в самом деле, где еще можно так расслабиться, как не в боулинге – под мерный перестук падающих кегель и взрывы зрительского энтузиазма?

Как ни крути, а боулинг великая вещь! Особенно если участвуют девушки в коротких юбочках или в мини-платьях (а других в Государственной Думе и не водится). Т. е. есть, конечно, серьезные дамы и даже дамы-серьезные-политики, и даже дамы-руководители-комитетов, и даже дамы-замы-высших-лиц, и даже дамы-сами-высшие-лица. Вот только какое они имеют отношение к девушкам?

Молодость и политика или политики (неважно какого пола) – две вещи несовместные, как говорил Сальери Моцарту (но за спиной последнего). Поэтому там, где девушки, политикой и не пахнет. И с точностью до наоборот – там, где политика, девушек нет.

Так вот, в боулинге были девушки, и депутаты настолько увлекались наблюдением за ними, что забывали о политике, о чаяниях народа и вообще – о тяжелой внутренней и внешней политико-экономической ситуации. Да и разве можно помнить о таких банальностях, когда перед тобой дива, склонившаяся поправить шнурки на кроссовках, а юбочка на ней скрывает только самую малость, да и то – если стоять прямо, ровно и не дышать.

А если азарт? Если хочется победить и доказать, что не только ноги красивые, и грудь упруга и нежна, но еще и руки растут из того самого места, из которого им и положено расти? А если хочется распалиться и обнажить все, на что способна? Тогда прочь сомнения, прочь ложную скромность – тем более, если белье от Lise Charmel, а сама девушка ухожена и готова в любой момент переступить черту!

И ведь переступают и оказываются в жарких объятиях некрепких духом мужчин – и делают карьеру! С другой стороны, у кого-то есть миллион, а у другого (другой) – длинные ноги, которые тоже, вполне вероятно, стоят никак не меньше миллиона, чем и нужно пользоваться и извлекать весомую выгоду.

Вот взять, например, Ивана Ивановича. Он многое, очень многое повидал на своем веку, а уж если брать соблазнительные женские ножки, то их количество не поддается учету. И даже несмотря на свой гигантский опыт и уже довольно серьезный возраст, и то – он любит сюда похаживать, особенно по вечерам, когда на улице беспокойно, ветер завывает в троллейбусных проводах, снежная поземка норовит засыпать лицо и превратить его в некрасивую ледяную маску с прорезями для глаз.

В такие вечера смотреть на резвящихся дам особенно приятно – их много, они что-то постоянно пищат, хлопают в ладоши и громогласно обсуждают уверенный удар, сносящий кегли с характерным хлопком. Они все как одна ярко накрашены, глазки горят, плечи расправились, кровь играет, и хочется чего-то особенного – и не только победы. А депутаты скромно притулились сзади, читают вечернюю прессу или же гоняют на планшетах в «Doom» – в общем, делают вид, что заняты, хотя на самом деле алчно следят за девушками и обсуждают между собой хорошеньких.

Как-никак, депутаты – квинтэссенция власти и поэтому могут позволить себе иметь все, что захотят. Ну, или почти все (в рамках правового поля, само собой). А девушки – они как раз в это поле и входят – и даже когда едут к кому-нибудь на квартиру обсудить завтрашний доклад на пленарном заседании или в комитете (не говоря уж о фракции) или немного подправить уверенной рукой пару статей закона о бюджете.

Кроме того, кто сказал, что нужно всё свободное время тратить исключительно на сухие цифры и нудные пометки карандашом на полях? Можно расслабиться, выпить крепкого кофе на ночь или крохотную рюмочку вина – только что из солнечной Франции: веселит и вселяет уверенность в завтрашнем дне. А девушкам только пойдет на пользу – и даже раззадорит и сподвигнет к творчеству.

Так и хочется привести в пример историю об одном человеке, ставшем почти легендой Законодательного собрания. В бытность депутатом третьего созыва (и членом чего-то там с

непроизносимым названием, но важными государственными полномочиями), он прославился тем, что все четыре года каждый вечер возил к себе на квартиру новых девушек и по полночи декламировал им стихи собственно сочинения. А потом – после того, как его блок (или партия – история об этом умалчивает, да и не суть важно) с треском пролетел на очередных выборах – на основании полученного грандиозного по объему материала издал восьмидесятитомник полного собрания поэтических сочинений, переплюнув Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока и всех остальных вместе взятых, включая массовых поэтов серебряного века.

А всему виной (вернее, залогом успеха) были девушки, которые щедро делились с ним девичьим задором, энергией и божественным вдохновением! А без девушек, ну разве вспомнил бы кто-нибудь сейчас этого бывшего депутата? Так бы и сгинул он в анналах истории, всеми незаслуженно забытый! Но фортуна распорядилась совсем иначе, и ныне он известен, как самый плодовитый поэт всех времен и народов. И даже занесен в книгу рекордов Гиннеса по количеству запатентованных рифм.

Кстати, его фамилия Шухер. Что, ни разу не слышали? Печально. Свидетельствует о проблемах в образовании – чего, как говорится, не исправить. Кстати, как Вы думаете, как образование коррелируется с любовью к девушкам? Стоп! Так мы можем забрести уже в такие густые и колючие заросли философских измышлений, что не выберемся оттуда, не порвав одежды!

А между тем обстоятельства влекут нас прочь от боулинга – на десятый этаж здания Государственной Думы, где полноценными хозяевами являются корчма «Ты дома» и трактир «Бард, борода и бургомистр».

В корчме любят зависать депутаты, недавно вернувшиеся из долговременных командировок по регионам. Они измучены общением с народом, нападками матерей и вдов и фланговыми и лобовыми заходами вороватых коммерсантов, которые так и норовят отжать под себя кусочек бизнеса пожирнее. И всем приходится уделять время – и депутат отнимает его от своих любимых посиделок за наливкой в бане или же в кругу единомышленников где-нибудь в столовой.

А поскольку усталость накапливается, а посидеть всё не удастся и не удастся, то к моменту возвращения у депутата просыпается такая жажда общения и такая потребность зависнуть где-нибудь за столиком в теплом кругу помощников и доверенных лиц, что никакая сила не может его отвадить от посещения корчмы, где он живет безвылазно никак не менее недели, восстанавливая душевное равновесие и физический тонус.

В трактире «Бард, борода и бургомистр» постоянно дают шансон. Трактир работает с девятнадцати до двадцати четырех, и свободного столика здесь не застать. Глянуть на Васю Лещинского, Васю Клещинского и Васю Пальчинского желают все от мала до велика, поэтому налицо перманентный аншлаг. О первых рядах ближе к сцене и говорить не приходится: они всегда заняты иностранными делегациями, для которых шансон – это настолько же native и настолько же аутентично, что и катание на бурых медведях по набережной Москва-реки.

Возле иностранцев – сопровождающие официальные лица и синхронные переводчики, которые, пытаясь от напряжения, пытаются объяснить делегатам смысл куплетов:

Вчера с утра
Братва
Резвилась,
Конкретно воля
Ночью снилась.
Тюрьма
И Зона,
Гоп со смыком,
Кресты, колючка,

Вышка, шмон,
Барак, параша,
Нары, вилы.
Один он,
У него облом.

Представители знойного южноамериканского континента, парламентарии от смешной страны, на просторах которой весело резвятся кенгуру, делегаты из африканских государств, из Китая и еще невесть с каких концов мира соглашательски машут головами и делают вид, что да, воля – это воля, и они ни в коем случае не желают спать под нарами и готовы подтвердить свои слова петицией в протест или даже целым заседанием Совета Безопасности.

Да и что с них возьмешь? Ведь непереволимый столичный диалект настолько ярк и оригинален, что понять его почти невозможно даже с помощью блестящих выпускников МГИМО или ИнЯза. Впрочем, бог с ним, поскольку самое главное в шансоне отнюдь не слова, а жесты, интонации и душевная музыка, с надрывом живописующая картину страданий и побуждающая срочно бежать и принимать законы о смягчении условий содержания в учреждениях ГУИН.

За столиками позади официальных делегаций стройными рядами сидят депутаты из разных фракций, но мы не станем конкретизировать, чтобы никого не обидеть. Депутаты тоже наслаждаются представлением, встречают аплодисментами Пашу Хвоцинского и Машу Снежинскую, которые, как обычно, воют дуэтом и моментально вышибают скупую слезу даже у прожженных политиков и закаленных в боях дипломатов.

А когда накал страстей достигает вершины, откуда-то из-за трактирных кулис выныривает привлекательная стройная блондинка в одном купальнике с пустой шляпой с высокой тульей от знаменитого английского мастера. Блондинка идет по рядам и предлагает скинуться понемногу для оказания помощи голодающим крестьянам из Африки и иже с ними: из таких же богом забытых земель, о которых никто никогда не слышал.

Ничего не поделаешь, приходится раскошелиться – хоть копеечку, но отдай, а все потому, что находишься на людях, и ведь могут подумать, что жаден до скарелности, и судьба людей (пусть ты их и в глаза не видел – но все же!) тебя не волнует. И отдают, и даже соревнуются, кто больше даст, стараясь переплюнуть друг друга и перещеголять.

И мало кто помнит старый советский анекдот из семидесятых:

Большой театр. Только что закончился «Евгений Онегин».

Очередь у гардероба.

Рядом в очереди стоят армянин и грузин, или (если угодно) лицо армянской национальности (Л.А.Н.) и лицо грузинской национальности (Л.Г.Н.)

Л.А.Н., подходя к гардеробу и получая пальто, достает из кармана 50 рублей и протягивает их гардеробщику:

– Спасибо, дорогой, сдачи не надо!

Л.Г.Н., подходя к гардеробу, достает из кармана 100 рублей и протягивает их гардеробщику, отталкивая руку с пальто:

– Спасибо дорогой, сдачи не надо, и пальто не надо! Вах!

Как говорится, все новое это хорошо забытое старое, поэтому иногда полезно заглядывать в прошлое и смеяться над самим собой – помогает и возвращает с небес на землю. А от этого только выигрываешь. Но оставим трактир, где как раз сейчас поет со сцены Фифа Обольщинская в сопровождении хора профессиональных наемниц из Калифорнии, и заглянем, наконец, на одиннадцатый этаж. И на этом закончим наш обзор предприятий быстрого и неспешного питания и развлечений в Здании Думы недалеко от Тверской-Ямской.

Одиннадцатый этаж всегда первый вдвойне. Поскольку находится не только на самом верху, но и еще определяется двумя последовательными единицами, что говорит о том, что он

дважды чемпион. Здесь располагается громадный Актный Зал с многочисленными ответвлениями, из которых в моменты всеобщего веселья обслуживающий персонал выкатывает подносы со снедью, выносит жареных лебедей, кантует бочки с коньяком и тривиальными хмельными наливками народов мира и разматывает шланги, чтобы перекачивать водку прямо из емкостей в бездонные желудки посетителей и непосредственных участников действия.

В Актном Зале собираются нечасто – всего два раза за весь избирательный цикл. Который раньше составлял четыре года, а сейчас – пять. Разница небольшая, но пятерка лучше четверки, и об этом никто спорить не станет.

Итак, первый раз сюда приходят победители сразу после выборов и устраивают грандиозное празднество, которое (будь оно доступно постороннему взгляду с улицы) вызвало бы не просто оторопь, но массу ненужных вопросов, начиная от тривиальных: «За чей счет банкет?», и заканчивая совсем уж вздорными, из разряда: «А почему никто из нас не знает, что вы все так жируете за наш счет?»

Само собой разумеется, на подобный бред с вопросительными интонациями никто реагировать не собирается, поскольку выборы для того и происходят, чтобы избранные ели, пили и жили за чей-то счет, а отчет (счет-отчет – улавливаете разницу?) они ни перед кем держать и не обязаны, поскольку неблагодарное это дело – да и кто ж покусится на власть? Впрочем, и власть иногда должна блюсти приличия, поэтому Актным Залом не злоупотребляют, а (как уже сказано выше) пользуются его услугами очень и очень редко. Что, согласитесь, не может не радовать!

И кстати, во все остальные дни депутаты, помощники и челядь питаются исключительно за свои – что в трактире, что в корчме, что в русском ресторане. Поэтому напраслину о чьих-то там бонусах, нетрудовых доходах и привилегиях наводить никому не позволено! Хотите жить вот так же хорошо – заработайте, пробейтесь в люди, станьте депутатом, получайте заработную плату и тратьте на что хотите – хоть на коньяк, а хоть и на зеленоглазую ассистентку, законом этого не запрещено!

Так вот, в начале срока (не путать с тюрьмой, там тоже срок, но сравнивать их нельзя) в Актном Зале всё торжественно: свежее испеченные (некоторые – испеченные уже по пять-шесть раз) депутаты закатывают пир горой – музыка льется с хоров, и отлично вышколенные официантки в кружевных чулочках не успевают резать лебедей и раздавать куски мяса всем желающим. Меж рядами столов лавируют самоходные тележки с кальянами, заправленными табаком только что из Египта, сигарами и даже кисетами с махоркой – для старых уважаемых политиков отечественной школы, которые когда-то начинали именно с махорки и теперь горят желанием вспомнить давно забытый вкус и запах.

На столах – полный шик, хрусталь из Богемии и английский фарфор, но иногда и встречаются пластиковые стаканчики (из них пьют депутаты, избравшиеся впервые – чтоб не забывали, что вышли из народа, и не сильно спешили приобщиться к элитарным ценностям переходного сословия). Впрочем, одного глотка достаточно, после чего наливают уже в приличные рюмки и едят из приличной посуды. Ритуал соблюден, и можно забывать, что еще буквально вчера хлебал лаптем щи и как-то обходился без заветного значка на лацкане смокинга.

Следует отдать должное депутатам: на территории Актного Зала редко когда можно встретить пьяного в дым, поскольку это фи и моветон. Здесь действует непреложное правило – хочешь нагрузиться до потери сознания, спускайся на нижние этажи и там свирепствуй, как душе угодно, но только в рамках законности и без привлечения сторонних соглядатаев, которые могут поднять шум на всю Ивановскую и предать огласки излишние пикантные подробности.

Что еще происходит в Актном Зале в момент триумфа? Конечно, говорят речи, иногда настолько нудные и длинные, что только водочка из-под полы спасает народных избранников от необходимости немедленно уснуть и не слушать докладчика. Водочка и еще аплодисменты

от группы поддержки, которая задает тон всему мероприятию и делает атмосферу радостной и непринужденной. А когда немного расслабился, оживился, разгорячился, уже и поддержка особо-то не нужна, можно дальше двигаться самостоятельно и не обращая внимания на лица, и особенно – на скучных выступающих с трибуны, которые что ни скажут, попадают пальцем в небо, а внимать им – себя не уважать.

Речи перемежаются тостами, взрывами аплодисментов и оживленным гомоном, но, но – всё до тех пор, пока не прибудет самый главный. Тогда на всех присутствующих снисходит мертвая тишина, и серьезность вступает в права, потому что главный, он главный и есть, и его нужно слушать серьезно. И снова воцаряется веселье только лишь в том случае, если главный отбыл по своим делам, и никак не раньше – упаси боже!

А в самом конце мероприятия обязательно выступает коллектив авторской песни – наполнить слух перезвоном бубенцов и воздать должное народу, который все это счастье в отдельно взятом здании и организовал. А потому что народ – всему голова!

Хмельные и шальные избранники разъезжаются по домам, из персональных «AUDI» отправляя друг другу поздравительные телеграммы-молнии от трудовых коллективов и обычных тружеников, чтобы, получив, продлить ощущение сказки, как в детстве – словно открываются волшебные двери, за которыми только довольство, уют и почитание твоих заслуг крестьянскими сословиями.

А уж дома сам бог велел оторваться по полной! Родители, дети, сестры и братья (и полна горница родственников различного калибра) уже ждут, разложив ручник и дежурный сдобный каравай с внушительной баклажкой крупной соли, непосредственно после которого сразу начинается возлияние, переходящее в страстную бурную попойку. Виновник торжества восседает во главе стола, словно свадебный генерал, ему поют оды, говорят в его честь теплые слова и преподносят дары, чтоб не забывал – и при случае замолвил словечко.

И так продолжается до пяти утра, от пьяных радостных воплей дрожит весь подъезд (при условии, что депутат еще не матерый и собственным особняком в Жуковке не обзавелся), полиция, прибыв на место вызова по просьбе разгневанных соседей, беспомощно тупит глаза в пол, не в силах помочь страдающим гражданам, поскольку депутатская неприкосновенность – великая вещь, и преступать ее никому не позволено! Впрочем, рано или поздно всё заканчивается, депутат падает под стол, и его дружно переносят и укладывают на отдельную кровать, поскольку он теперь надежда и опора семьи, и только от него зависит всеобщее благосостояние. А завтра на работу, и депутат должен выспаться, чтобы уверенно выполнять обязанности и предстать перед страной и обществом в наилучшем виде.

Конечно, не все уходят в загул, не все. И особенно, если уже обзавелся хозяйством, имешь усадьбу и охраняемую придомовую территорию (например, как Иван Иванович), и процедура введения в парламент уже привычна и даже иногда вызывает зевоту. Всё приелось, всё уже почти не радует, и, вернувшись после торжественного Актового Зала в особняк, можно спокойно пойти на кухню, достать из холодильника добрый кусок копченой колбасы, понюхать его и положить обратно – поскольку печень, желчный пузырь и почки уже пошаливают, и есть подобное на ночь, значит, обречь себя на утреннюю изжогу и неприятности в желудке.

Но, как говорится, каждому свое – хоть это и ругательный лозунг, который при Советском Союзе и употреблять-то было чревато. Хотя сейчас можно.

Возвращаясь в Актовый Зал. Его стены повидали многое, не только бурную радость, но и не менее бурную печаль в момент расставания с возжеленным зданием – в момент совершенной вселенской скорби, сопровождающей изгнание из рая. Поставьте себя на место бывшего (уже бывшего!) депутата, который не смог достойно провести избирательную кампанию и теперь должен покинуть роскошный кабинет, передать другому все блага – и всю оставшуюся жизнь завистливо вспоминать, как был, как тоже мог, но не осилил. Думать, что следовало

вовремя переметнуться в другую фракцию, покинуть бесперспективный блок и плюнуть его лидеру прямо на лысину, поскольку он мракобес, и электорат за него не проголосует!

Переживать и искать виноватых, время от времени впадая в совершеннейший уже маразм и гневно вздымая кулачки к небу, ругая туманное провидение, которое скрыло перспективы и оставила за бортом истории – разбитым и никому не нужным, словно сломанное гребное весло, которое если на что и годится, так это только на растопку камина.

Нет слов, чтобы передать душевные метания бывшего депутата – а у него, вдобавок ко всему, еще и отбирают служебное жилье, которое он по дурости не успел или заленился переоформить на себя. Таких, конечно, мало – среди депутатов тупых нет, и первым делом они решают свои жилищные проблемы. Но все же есть и исключения: либо сильно честные, либо одно из двух.

Но если даже остался с квартирой, все равно, горечь поражения ни с чем не сравнима, ее невозможно одолеть, и она властвует и подавляет. И единственным желанием остается отомстить и вновь оказаться на вершине властного Олимпа, чтобы триумфально скрутить дулю и показать всем завистникам. Но это немногим дано: если вылетел, назад обычно дороги нет.

Вот взять Актный Зал. В момент скорби он затихает, и даже звон хрустальных бокалов звучит панегириком. На проигравших страшно смотреть: на них нет лица, строгие костюмы за несколько тысяч евро смяты, галстуки за семьсот (тоже евро) заляпаны рыбьим жиром, сами они небритые и производят впечатление нищих, которые только что потеряли возделенную заначку с мелочью и теперь не могут ее найти.

Никто не утешит их и не похлопает сострадательно по плечу, дескать: «Все пройдет – и печаль, и радость! Все пройдет, так устроен мир!».

Так увеличим же скорбь! Ведь чудное мгновение именно прошло, закончилось, кануло в лету, и теперь впереди только забвение, старческие мемуары и койка в доме престарелых за казенный счет – потому что полученную от государства квартиру обязательно отнимут родственники.

Проигравшие ходят, как зомби, пытаются что-то напоследок сказать, но их никто не слышит, и никто их не замечает, и единственно, что вертится у них на уме, это бородатый анекдот: «– Миша дома?

– Дома, но венки уже вынесли!»

Адское зрелище, достойное мирового триллера! Тягостное молчание ватой нависает над Актным Залом, время от времени прерывается пронзительными воплями страдальцев, когда они не выдерживают и начинают выть во весь голос и хвататься за головы, пытаясь выцарапать самим себе глаза, а другие бросаются от них врассыпную, опасаясь, что и с ними будет так же.

Прощальный банкет длится всего час. Долго выносить такое не под силу никому, зрелище действительно тягостное, и заплаканные мужские и женские лица после годами снятся счастливым, всплывая в подсознании немим укором и словно обвиняя, обвиняя, обвиняя...

И вроде, давно уже забылись фамилии, вроде, не вспомнить уже имен (не говоря про отчества), и даже названия партий и избирательных блоков стерлись из памяти, а лица всё стоят, приходят, за лицами бредут тела и головы, они тянут к депутату костлявые руки, моргают запавшими глазницами и пытаются отобрать, отнять привилегии, по праву принадлежащие им, но подлым образом уворованные.

И депутат просыпается посреди ночи с душераздирающим криком, бежит на кухню за стаканом валерьянки, а потом долго еще не может уснуть, боясь увидеть Пал Палыча Плоского, бывшего в Думе второго созыва, но потом не прошедшего по одномандатному округу, который настоятельно требует вернуть ему дачу и участок земли с крепостными, утверждая, что они по праву думского дьяка принадлежат ему на веки вечные. За Пал Палычем идет Нил Нилыч Низыменный – с аналогичными же претензиями, только этот еще хочет машину «Мерседес» 1995 года выпуска и обязательно с коробкой-автомат и кожаным салоном!

С машиной нет проблем, и депутат бы и рад откупиться от кошмаров «Мерседесом» 1995 года выпуска, но не знает, как это сделать. А видения все приходят и приходят, и нервная система разбалтывается настолько, что нужно бежать по врачам и пить мерзкие капли, оставляющие во рту привкус горелой резины.

Впрочем, так, конечно, не у всех, поскольку некоторые настолько высоки и настолько огрубели, что им совершенно начхать на страдания других, и претензии со стороны фантомных привидений их никоим образом не волнуют.

Не будем ходить вокруг да около, перейдем на личности. А именно на личность уважаемого Ивана Иванович Капитонова – он, слава богу, далек от подобного рода переживаний, и сон, и нервы у него совершенно в порядке. А все потому, что обливается холодной водой по утрам и не смотрит бандитские сериалы по телевизору: некогда и да не с руки, могут подумывать невеста что! Он строен, подтянут и нацелен на успех. А все остальное – суть метафизика, которая то ли есть, то ли ее нет, неважно! Масло на нее не намажешь – факт!

Кстати, вот Иван Иванович выходит из лифта на шестом этаже, сопровождаемый секс-пильной Алиной, и самое время присоединиться к нему!

Глава 3. Душевное

В главном зале «Огорченного Горчакова» было шумно. В кабинетах же, напротив, стояла тишина, и только звон фарфора, приглушенно долетавший из-за закрытых дверей, свидетельствовал о наличии жизни и там.

За каждым кабинетом был закреплен свой персональный официант – по выбору арендатора (юная дева или юный юноша). Услуги официанта входили в стоимость меню, так что депутаты даже и не подозревали, во сколько он им обходится. Впрочем, их этот вопрос совсем не волновал – те, кто ходил в «Горчакова», денег никогда не считали и на такие мелочи внимания не обращали.

Кабинет (или ложу) Ивана Ивановича обслуживала девушка Жанна, еще совсем молоденькая, но уже успевшая хорошо усвоить, что от нее требуется. Но боже упаси – ведь вы можете подумать, что это секс, а вот и не угадали! Для секса существовали совсем иные заведения и другое время, так что Жанна должна была просто быстро оборачиваться и всегда появляться по первому щелчку.

Сегодня Иван Иванович привечал камчатского краба под белужьим соусом, а на гарнир – обжаренную в томате спаржу, приправленную побегами дикого пророщенного риса. В последнее время он чувствовал потребность в чем-то посконном, в чем-то вегетарианском и легком, поэтому тщательно выбирал блюда из меню, а иногда даже специально заранее заказывал.

Давило напряжение трудовых будней, сказывался возраст, и здоровье немного пошаливало. Поэтому даже в священные обеденные часы Иван Иванович прилагал все усилия, чтобы соблюдать диету.

Молодость ушла, и теперь давление кровяного столба (по аналогии с атмосферным) и уровень сахара были гораздо важнее, чем даже любовная страсть, которая в былые годы овладевала Иваном Ивановичем. Впрочем, были и исключения.

Иногда в его окружении появлялись такие девушки как, например, Алина. Они могли расшевелить даже гранитный постамент, который в результате скидывал с себя монументальную неподвижность и бежал за ними вскачь, на ходу срывая пиджак и сбрасывая кальсоны. Алине достаточно было только потереться бочком или немного состроить глазки, как тут же немедленно со стороны сильной половины человечества следовал взрыв вожделения, одолеть который не представлялось возможным.

Сегодня Алина заказала астраханского цыпленка, вскормленного на овощной смеси, и фруктовый салат из абхазских мандаринов, абхазских же киви и белгородских яблок, посыпанных тертым шоколадом фабрики «Россия». Не ахти какое изысканное блюдо, зато вкусно и бережет фигуру. А шоколад вдобавок ко всему тонизирует и придает энергии любому начинанию.

У Алины был праздник. Мини – но все же особенный. Иван Иванович впервые взял ее с собой на обед, и Алина слегка волновалась. Она чувствовала, она становится все ближе и ближе к боссу, а то, что ее позвали и доверили эскорт (да еще и в предпоследний день работы очередного депутатского созыва), говорило о том, что с ней не собираются расставаться, и велика вероятность, что она останется на своем месте и после выборов.

Впрочем, в своих способностях Алина нисколько не сомневалась. Как нам уже известно, всё в ней было совершенно, и молодость и жизненная сила была через край – а ведь именно этого не достает престарелым донжуанам при власти. Хотя, называть Ивана Ивановича донжуаном не поворачивается язык – он просто очень любил противоположный пол: за красоту, непосредственность и огненный темперамент.

Итак, арендаторы ложи номер одна тысяча девятьсот семнадцать (на входной двери помимо номера был прибит гвоздями внушительных размеров деревянный серп со стальным

зазубренным лезвием и стальной же молот – он был намертво приварен) немного подождали, пока поднесут заказ, и приступили, собственно, к обеду.

Никто не смел тревожить их покой – если они специально не позовут. Для создания атмосферы инкогнито дверь кабинета запиралась изнутри, и Иван Иванович время от времени тщательно проверял шпионским детектором, не установлены ли в ложе жучки и скрытые видеокамеры, и не подслушивает, и не снимает ли кто-нибудь. И с радостью убеждался – всё чисто.

Итак, после подачи блюд Иван Иванович самолично запер дверь изнутри и благосклонно разрешил Алине воздать должное мастерству поваров. Алина ела очень изысканно, умело употребляя подходящие к месту столовые приборы, не чавкая и с закрытым ртом, чем вызвала в Иване Ивановиче бурное одобрение. Время от времени он внимательно ее разглядывал, отрываясь от чтения важных документов из папки, и тогда его глаза теплели, пальцы непроизвольно подрагивали, а на лице читалась некоторая заинтересованность.

Трапеза проходила в тишине. Алина была тактична и никоим образом не пыталась отвлечь босса от важных государственных дел. Наконец, с камчатским крабом и спаржей было покончено, Иван Иванович открыл дверь и велел Жанне быстро принести два кофе по-восточному с родниковой водой с вершины Эльбруса и половинку небольшой дыни (только чтоб сладкая, как мед!).

Его заказ был выполнен молниеносно, и Иван Иванович с Алиной вновь заперлись. Иван Иванович отложил в сторону бумаги (он почти закончил, а остальное дочитает в кабинете), лукаво взглянул на Алину и предложил ей прямо сейчас пройти небольшой экспресс-тест по истории большевистского движения и истоков возникновения социалистической идеи на просторах европейского субконтинента.

Алина согласно кивнула. Она считала себя девушкой образованной (и не напрасно!), поэтому почти ничего не боялась. За исключением физики плазмы и физики переменных негомогенных сред, которых боятся все без исключения – и даже самые высоколобые выпускники Бауманского университета, к которым без ложной скромности относит себя и автор этого правдивого повествования.

– Итак, вот тебе десять вопросов! Девять правильных ответов и выше – оценка «пять», семь-восемь – «четыре», шесть – «три», ниже – двойка! Готова?

Алина сделала серьезное лицо – точь-в-точь Ленин на свадьбе у Крупской в зоосаде близ Адмиралтейства на Васильевском острове – и не менее серьезно похлопала ресницами.

– Отлично! Так что же такое КПСС?

– Коммунистическая партия Советского Союза!

– Молодец, плюс один балл. Идем дальше: что такое ВЛКСМ?

– Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи!

– Отлично! Так держать! Что такое ВКПб?

– Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков).

– Умница!

Иван Иванович глубоко вздохнул. Определенно, это девушка ему нравится! Он подумал секунду и пересел на один диван с Алиной, в порыве нежных чувств ласково погладив ее по ноге. Потом неуверенно обнял и чмокнул в щеку, что означало дружеское одобрение.

– Три из трех! Великолепный результат, принимая во внимание, сколько тебе лет, и в какой невыносимой псевдо-либерально-демократической атмосфере ты росла. Претендуешь, чтобы вывести тебя в актив! Впрочем, все зависит от тебя и от твоих знаний! Вопрос четвертый. В каком году умер Владимир Ильич?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.